

АНДРЕЙ КОЧЕТКОВ

СОКРЫТОЕ ЦАРСТВО

*Тот, кто играет
только по правилам,
в итоге оказывается
в хвосте*

ПОСОЛ ВЕЛИКОГО ВЛАДЫКИ

Мастера прозы

Андрей Кочетков

**Посол Великого владыки.
Сокрытое царство. Часть 1. Том 2**

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Кочетков А. А.

Посол Великого владыки. Сокрытое царство. Часть 1. Том 2 /
А. А. Кочетков — «Эксмо», 2023 — (Мастера прозы)

ISBN 978-5-04-189303-3

Унизель Вирандо стал частью большой дипломатической миссии, цель которой — заключить мир и торговое соглашение с самым скрытным народом Обозримой земли, о котором вот уже много столетий никто ничего не слышал. Этот договор кардинально изменит расстановку сил в политике и экономике империи, может привести к гражданской войне и даже уничтожить само государство. Юноша втянут в масштабную политическую игру, ставки в которой высоки. Уни предстоит проявить сообразительность и разгадать особенности мышления загадочного народа, найти свое предназначение, любовь и стать тем, кто держит в своих руках судьбы великих империй. Вторая книга тома.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-189303-3

© Кочетков А. А., 2023
© Эксмо, 2023

Содержание

Пролог	6
Часть IV	9
Глава 1. Обитель Стройного Ясеня	10
Глава 2. Как взрастить гроздь гнева	23
Глава 3. В поисках Избранного	30
Глава 4. Соргий Квандо решает проблемы	41
Глава 5. Дело для Южного флота	50
Глава 6. Прилежный ученик	55
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Андрей Кочетков

Посол Великого владыки

Сокрытое царство. Часть 1. Том 2

© Андрей Кочетков, текст, 2023

© Юлия Щербина, иллюстрации, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Пролог

Дождь хлестал так, что не спасал даже шерстяной клубук торгской работы. Вода затекала в сапоги и мерзко хлюпала там при каждом движении Белочки, когда всадник чуть поднимался на стременах, проклиная резко свалившееся на голову ненастье и раздражающий скрип мокрого седла.

«Если бы не ливень, проскочил бы то темноты, а теперь...»

Теперь пришлось еще порядком поплутать по этим лесистым горам, пока вконец измотанный юноша не выехал к монастырю на звуки всеобщего колокола.

«И когда же они, наконец, по-человечески это сделают?!»

Соскользнув с лошадки, юноша согнулся в три погибели, чтобы постучать дверным молотком. Он был специально закреплен так низко, чтобы каждый посетитель проникся смирением перед тем, как войти в святую обитель.

– Кого еще силы Небесные принесли?

– Да открывай ты, Ефрония! Не видишь, тут хляби разверзлись...

Наконец его впустили. Пристроив Белочку в конюшне, молодой человек привычно начал препираться с сестрой Ефронией:

– Овса ей насыпь, пожалуйста, а не грязной соломы, как в тот раз. И воду смени: тут уже запах такой, что демонов Мрака травить можно.

– Опять сестер воспитываешь?

Последняя фраза принадлежала миниатюрной женщине, появившейся в дверном проеме сверху, у лестницы. Скрестив руки на груди и прижавшись затылком к холодному камню стены, она с озорной улыбкой разглядывала гостя. Забыв про усталость, тот молнией взлетел по ступенькам:

– Мать-настоятельница, простите за столь поздний визит! Я же не разбудил вас?

– Вот еще, у нас только служба прошла! Ну, иди ко мне! – Женщина широко раскинула руки и обняла гостя. – Ты совсем промок! Давай в паровую купель, а потом я сама тебя накурмлю...

Юноша жадно поглощал гречневую кашу с молоком, заедая знаменитым ихидранским сыром с пахучей голубой плесенью. Женщина наблюдала за ним, подперев щеку ладонью.

- Ты с каждым годом все большеходишь на отца.
- Вы мне это каждый год говорите.
- Да потому, что это так, вот и говорю.

Настоятельница имела фигуру девочки, и только выступавшие сосуды на руках и морщины под глазами выдавали ее чуть более чем полувекковой возраст.

- Я и на вас похож, разве не находите?

Его собеседница рассмеялась:

- Ты знаешь, как сделать приятное женщине, у которой нет своих детей.

Юноша опустил глаза:

- Мне жаль, простите.
- Пути Господни предначертаны, а мы лишь следуем им как верные слуги.

Они помолчали. Наконец молодой человек отодвинул пустую тарелку и вытер губы и руки влажным полотенцем.

- Да, все так, но... Неужели с тех пор вы больше так никого и не полюбили?

Женщина прищурилась, а потом подняла глаза к потолку:

- Я люблю всех людей, как того требует Единый бог.
- Всех – это понятно. А чуть больше, чем всех?
- Ну, я люблю тебя, твоего отца...
- Я имел в виду несколько другое.

Настоятельница хмыкнула:

– Нашел о чем поговорить в монастыре! Ладно, хватит обо мне. Что у тебя нового? Как продвигается твой трактат?

– Трактат? – скептически поднял брови молодой человек, давая понять, что видит свой литературный труд несколько в ином качестве.

– Ну, анналы, летопись, хроника... С тех пор как в обители стали переписывать древние свитки, я слышу много подобных слов. Давай рассказывай, это ведь так захватывающе! Про посольство в Вирилан, торговый договор, все эти загадки, интриги, про страшного аринцила, грозящего войной, и, конечно, про любовь Уни к этой девочке-целительнице!

– Ну кто бы сомневался... – улыбнулся юноша. – Так, на чем мы остановились в прошлый раз? Кажется, действия там тоже происходят в обители...

Часть IV
У каждого своя война

Глава 1. Обитель Стройного Ясеня

Уни затряс головой, прогоняя неприятные мысли. В самом деле, сколько можно смаковать постыдные моменты, связанные с Онелией и их пребыванием в горном пристанище? На его памяти это происходило в пятый или даже шестой раз за сегодня. Но, с другой стороны, чем еще можно занять себя в неспешной дороге? Переводчик вздохнул и поднял глаза, чтобы найти в однообразном горном пейзаже подтверждение своим печальным мыслям, но вдруг услышал неожиданно бодрое восклицание Стифрано. Другие члены посольства, оживившись, двинулись к голове колонны, чтобы тоже разбавить затянувшуюся путевую скуку долгожданным и новым впечатлением.

– Энель Вирандо, спросите ее, пожалуйста: это и есть монастырь? – возбужденно обратился к юноше священник Нафази, хотя другим имперским дипломатам уже было и так ясно, что цель их пути лежала внизу, на дне обширной горной долины.

– Госпожа Онелия говорит, что нам остался всего один переход, – вежливо сообщил Уни послу Санери. – Предполагаю, что под словом «переход» подразумевается не ночлег, а просто небольшой отдых.

Воистину, нет ничего лучше, чем последний привал после утомительного путешествия. Уни впервые участвовал в таких длительных пеших походах, да еще и по горной местности, где каждый шаг дается тяжелее и даже дыхание, кажется, все время торопится убежать из груди, лишив сил для очередного шага.

– Мы прибудем в обитель к вечеру, – спокойно сообщила целительница. – Это хорошее время, правильное...

Уни ждал продолжения, но ее фраза повисла в воздухе.

– Она что, и правда все время так туманно выражается? – хмыкнул Стифрано. Казалось, его настроение, несмотря на приближение к цели, отчего-то только ухудшилось.

– А я думал, энель второй посол, что вы сами вполне способны ответить на этот вопрос, – с усталой иронией бросил ему доктор Аслепи. – Судя по времени, которое вы потратили на изучение вириланского...

Уни ожидал новой вспышки конфликта между уже вполне сложившимися за последнее время оппонентами, но, к его удивлению, Стифрано не стал искать на поясе несуществующий

меч, а просто молча сел у кривой сосны и, подняв с земли небольшой камешек, начал играючи подбрасывать его в воздух.

– Ха-ха, наша девушка любит помоложе, – прокомментировал молчание второго посла Богемо и расплылся в такой улыбке, что все лицо его покрылось зигзагами морщин, а глаза превратились в узкие щели.

– Если вам так интересно, энель Богемо, то могу вас официально представить, – холодноотреагировал Уни. – Как особо интересующегося!

– Нет-нет, что вы, – захихикал торговый посланник. – Я не претендую, знаете ли...

– Энель Богемо хочет сказать, что он не вполне удовлетворен качеством вашей работы, – тут же попытался перевести беседу в излюбленное русло Гроки. – Вместо того чтобы строить пашни с иноземной... помощницей нашей миссии, вы бы лучше помогли энелю послу выучить их корявый язык!

– Остынь, Гроки! – устало, но резко одернул его Санери. – Я вполне доволен нашим переводчиком. Пусть каждый занимается своим делом, и тебя, кстати, это касается в первую очередь. Что у нас там... с водой?

Уни посмотрел на первого посла с благодарностью, попутно поймав на себе колючий от ледяной ненависти взгляд Гроки.

«Нет, этот точно мог бы попытаться! И чего, спрашивается, он меня так невзлюбил? Бывает же так, что вроде ничего и не сделал человеку, а тот на тебя волком смотрит, будто „виноват ты лишь тем, что греет тебя один со мною солнца луч“. Мда».

– Энель посол, я схожу! – неожиданно для всех сам вызвался Уни. На самом деле он просто не хотел передавливать Гроки, ибо, во-первых, как человек от природы добрый не любил пинать поверженного противника, а во-вторых, в глубине души опасался мести секретаря посольства.

– По всем приметам, родник должен быть вон на том пригорке, – поделился с ним наблюдениями Рапурий Хардо. – Я провожу.

– Да нет, спасибо, тут ведь рядом, от воинов далеко, а зверей тоже вроде нет... Нет? – вопросительно обратился он к Онелии. Та посмотрела на него странным взглядом, но потом медленно покачала головой.

Хардо искоса глянул на Санери, тот прищурился и через мгновение едва заметно кивнул.

– Я быстро! – с облегчением выдохнул Уни.

Если бы это было так. За время нахождения имперской миссии в Вирилане Уни убедился, что путешествовать по карте в пыльном, но родном архиве и путешествовать по настоящей, особенно пересеченной местности – две совершенно разные вещи. И дело тут вовсе не в физической энергии, которую приходится тратить на передвижение, нет, дело еще и в самом состоянии как таковом. Ибо если ты в горах или даже в холмах, то любая прямая твоего маршрута на практике оборачивается извилистой змеей, путь от головы до хвоста которой подобен плутанию в темном и запутанном лабиринте. И вроде видно то место, куда надо попасть, но в последний миг всегда оказывается, что вот здесь слишком крутой обрыв, а здесь, наоборот, высокая стена, или овраг, или просто камни, которые набросаны так чудовищно хаотично, что скорее сломаешь ногу, чем доберешься до точки назначения.

Вот так и Уни, петляя с котелком, последовательно прошел все этапы этого нелегкого с точки зрения испытания собственного душевного равновесия пути. Сначала это было «Да чего тут вообще искать!», потом «Сейчас, сейчас, это где-то рядом...», затем «Мрак, да как здесь вообще можно пройти?» и «Да куда же этот родник треклятый подевался?!» Напряженность подогревало ощущение, что где-то недалеко остальные члены посольства, включая прекрасную Онелию, и ждут, что он «быстро», как и обещал, и если Уни не сдержит данного слова, то все будут называть его болтуном. И особенно этот изверг Гроки, который не упустит возможности тут же отомстить, а Онелия еще больше разочаруется... Нет, лучше об этом вообще не думать!

Уни остановился и, закусив губы, еще раз внимательно осмотрелся. Родника не было. Переводчик прислушался: не журчит ли где вода? Нет. А есть ли здесь родник вообще? Какой же он дурак, что отказался взять с собой Хардо! Тот бы сейчас сам искал свои приметы. Вот же тот приговор – и ничего! А может, не тот? Мрак их разберет!

Переводчик задрал голову – там действительно было еще одно возвышение. Много ли шансов, что родник именно там? Вряд ли. Вода всегда течет сверху вниз, и если бы источник на самом деле находился именно там, то... Все правильно, он стекал бы сейчас к ногам юноши красивым водопадом. Ну хорошо, необязательно красивым, но – стекал бы. С другой стороны, внизу молодой переводчик уже осмотрел все, а спускаться – нет, не в лагерь, а хотя бы в зону видимости посольства – с пустым котелком было бы тактически неверно. Хотя вряд ли на расстоянии видно, что он пустой, так что...

Уни еще раз посмотрел наверх, поймав себя на мысли, что прощается с этой так и непокоренной вириланской вершиной, которую, возможно, больше никогда не увидит, но в это драматическое мгновение в самой высокой точке возвышающейся над ним скалы он заметил нечто, резко выделяющееся необычным сочетанием терракотового, зеленого и небесно-голубого оттенков.

Цветок? Ну конечно же! Самый красивый на свете, на неприступной вершине посреди этой пустынной и опасной местности. И если Уни, как герой из старинных легенд, сорвет его и преподнесет в дар своей воз... хм... Онелии Лерис в знак искренней благодарности за... В общем, если он это сделает, а растение окажется еще и редким или символом чего-нибудь особенно романтического в местной культуре, то, несомненно, его авторитет в глазах вириланской целительницы поднимется выше горы Сумеры и она, конечно же, простит его за тот необдуманный ночной порыв, когда они... В общем, простит, ибо не оценить такое она просто не имеет права!

Лазать по горам Уни сразу не понравилось. Во-первых, раньше ему просто не выпадало такой возможности, а во-вторых, на практике это оказалось вовсе не так захватывающе, как он всегда представлял. И дело было не только в том, что, несмотря на все меры предосторожности, юноша царапал локти и колени, срывал ногти и кожу на пальцах, а уступы, за которые он еще недавно так прочно держался руками, оказывались либо слишком маленькими для ступней, либо слишком скользкими. Самое главное – это тот вид нарастающего душевного смятения, когда с каждым новым рывком ввысь понимаешь, что в случае чего слезть обратно шансов все меньше. Это походило на игру в капоштийские шашки, когда под конец партии фигур у победителя становится так много, что места для ходов у проигравшего почти не остается. Вот и сейчас Уни, искривившись в неудобной позе, с нелепо выгнутой и стремительно утомляющейся спиной, в панике обозревал свой маршрут и с обреченной уверенностью приходил к выводу, что путь у него только один – к небольшому выступу, левее от головы. Хорошей новостью было то, что выступ на вид казался достаточно прочным и размещался почти на самом верху, то есть рядом с конечной целью всего неожиданного приключения. Плохим же известием стал тот факт, что дотянуться до него можно было только в прыжке.

Опытный скалолаз, зная свои возможности, наверняка нашел бы другой выход. Например, вколотить пару клиньев. Но у переводчика имперского посольства не было клиньев, зато была несомненно магическая по безумной природе идея, что если прыгнуть и уцепиться рукой за небольшой выступ, то практически нетренированный мальчик, который изрядную часть жизни провел в пыльном архивном заточении, сможет тут же подтянуть свое рыхлое тело и волшебным образом очутиться на самой вершине. Возможно, конечно, что этот соблазнительно прекрасный цветок, видимый уже отчетливо, источает некие особые запахи, заставляющие молодых людей тянуться к нему любой ценой, даже рискуя жизнью, как огонь ночной лучины притягивает мошкар. В любом случае мысли Уни неведомым образом сошлись во вполне конкретное решение, и он, оттолкнувшись что есть силы левой ногой (очень мощно, как ему

показалось), а еще правой (недостаточно мощно, ибо она была почти выпрямленной), прыгнул, как обезьяна из аринцильских джунглей. Так Унизель Вирандо, переводчик посольства сиятельного императора Герандии Кергения, впервые в жизни ощутил, что такое переоценка собственных сил в критический момент, исходящая не из реального представления о возможностях своего тела, а исключительно из желаемых, а по сути – воображаемых характеристик.

Безусловно, сторонний наблюдатель не мог видеть весь ужас в глазах Уни и той рвущейся нити надежды в самой глубине его сердца, когда, великолепно допрыгнув почти до самой вершины и даже ощутив пальцами спасительный выступ, он через мгновение понял, что сил в кистях явно недостаточно, чтобы удержать все тело. Впечатление было такое, будто кто-то очень злой и несправедливый просто взял и с нечеловеческой яростью вырвал выступ из его руки. За эту ничтожную долю мгновения Уни успел последовательно обрадоваться, потом испугаться, потом вознегодовать и, наконец, провалиться в дикую панику.

«Это все сон, это не со мной, это сейчас не меня размажет по живописным камням!»

Впрочем, последний ужас был настолько мимолетным, что не успел дойти от глаз и мозга до сердца, чтобы разорвать его от чудовищного, спрессованного, как оливки под давящим прессом, напряжения. Есть все-таки некая мудрость в том, чтобы лечить подобное подобным. В данном случае это был страх юркого пескарика, которого умелый рыболов подсекает и разом выдергивает из воды. Так и сейчас: в воздухе раздался как будто свист меча, а потом что-то, словно бешено вращающееся колесо с крюками, подцепило Уни за ослабевшую правую руку и, резко подбросив, неожиданно мягко опустило на поверхность. На мгновение переводчику показалось, что тело его потеряло всякую гибкость и застыло, словно глиняная фигурка, вышедшая из печи. По крайней мере, на землю его поставили именно так – как единое целое, как чашу, которую, взяв за красивую ручку, аккуратно водрузили на стол.

Силясь отдышаться и хлопая глазами, Уни попытался собрать свои ощущения в единую картину и осознать, что, собственно, случилось и кто (или что) выдернул его из лап смерти. В двух шагах стояла женщина на вид лет двадцати семи – тридцати. Ее черные волосы волной спадали за спину, на свободные бежевые одежды из грубоватого на вид, рифленого материала.

– Позвольте представиться: Унизель Вирандо, переводчик посольства Великого владыки всего, что под Небесами, императора Герандии Кергения! – сбивчиво и быстро проговорил Уни. Он был растерян и не знал, с чего можно начать общение, но ведь именно для таких случаев и существует ритуал официального приветствия. Пока собеседник представляется в ответ, можно собраться с мыслями. Главное – при этом не пропустить, кто он и как его зовут.

– Меня зовут Найтия Ворен, – проговорила женщина. Ее голос был немного ниже, чем у Онелии Лерис, какой-то грудной. До сих пор неясно почему, но именно он заставил Уни вспомнить недавние события, такие далекие, но не менее драматические.

– Вы, вы! – крикнул он, протягивая к ней руку. – Не может быть! Я видел вас, видел там, в бане! Сначала этот сон с Онелией в пустом городе, а потом – вы! Когда меня хотели убить...

Женщина слушала его с бесстрастным лицом, и Уни понял, что от возбуждения говорит на герандийском. Он резко замолчал, пытаясь взять себя в руки, а потом продолжил, уже спокойнее, на понятном ей языке:

– Приношу вам свои глубочайшие извинения за то, что не смог сдержать себя и мои слова вторглись в ваше тело! Тем более что вы только что спасли меня... – Уни запнулся, прикидывая, действительно ли это заслуга его новой знакомой, и если да, то как именно она смогла это сделать. Однако никого другого рядом не было, а благодарность, как решил для себя Уни, лишней никогда не будет, особенно по отношению к вириланцам.

– Вы спасли меня! – повторил он, словно сам себе внушая эту мысль. – Я обязан вам тем, что моя жизнь продолжается, а тело все еще купается в лучах Божественного светила и отбрасывает тень на этой земле. Мне так хочется ответить вам искренней благодарностью... – опять запнулся Уни, в последний миг решив не озвучивать фразу «но у меня ничего нет, чтобы

подарить вам». – Поэтому примите от меня это как символ тепла моего сердца, которое бьется благодаря вам!

С этими словами он наклонился, сорвал цветок, за которым и полез на вершину, и, почти-тельно склонив голову, вручил его своей спасительнице.

Вириланка плавно шагнула навстречу и аккуратно приняла растение обеими руками, смотря при этом Уни прямо в глаза. Он же, наоборот, не смел взглянуть на нее, но это было не смущение или застенчивость, как с Онелией. От этой женщины веяло чудовищной, невообразимой силой, словно внутри нее скрывался грозный ураган, способный в одно мгновение вырваться наружу и разметать здесь все, включая и Уни, и небольшие деревья вокруг, и саму гору, на которой они находятся.

– Я благодарю вас, – сказала женщина, и ее голос пробрал Уни до костей. Он словно звенел изнутри; на миг переводчику даже показалось, что его обладательница волнуется или даже боится.

Он осторожно поднял взгляд. Найтия смотрела на цветок, погрузившись в него настолько глубоко, словно это был целый мир.

– Он называется *Эйнервель синтуэйнел*, – тихо проговорила она.

– «Гонец зари», – шепотом перевел Уни.

– Когда солнце поднимается утром над горизонтом, он первый встречает его лучи, – пояснила женщина и вновь посмотрела на Уни.

– Это так... романтично! – ответил тот.

– Когда-то, много, очень много лет назад, на этом же самом месте один человек подарил мне точно такой же цветок, – тихо и задумчиво проговорила женщина.

У нее были большие, но чуть изогнутые к переносице глаза цвета молодого орехового дерева. Сейчас их кончики сузились, отчего взгляд приобрел пронизывающее, но в то же время скрытное, интимное выражение.

– Вот как! – только и ответил Уни. Он в самом деле не знал, что нужно говорить в такие моменты.

Словно уловив его мысли, женщина печально улыбнулась одними губами:

– Это воистину прекрасный подарок, но он предназначен другой.

С этими словами она, прикрыв глаза и чуть склонив голову, с почтением протянула цветок Уни.

– Вы правы! – выдохнул он и тут же ощутил, насколько легче ему стало. – Вы вернули мне не только жизнь, но и...

– Любовь? – спросила Найтия, чуть наклонив вбок голову. В ее интонации, совсем не вириланской, послышались нотки то ли шутки, то ли кокетства.

– Вы удивительная женщина! – по-детски широко и открыто улыбнулся Уни, но тут же поймал себя на мысли, что это уже вторая из двух местных представительниц прекрасного пола, с которыми он неосознанно начинает заигрывать. «Но я же не виноват, что они тут все такие красивые и не посылают меня сразу же, как я открыл рот!» – стал сам себя оправдывать он.

Хотя, по правде говоря, его личные ощущения от Найтии Ворен были совсем другими. Если Онелия была нежной и легкой, словно хоровод волшебных пушинок, то его новая знакомая походила... на змею. То есть, скорее, на теплокровную змею, если такие вообще бывают. В ней чувствовалась грация и мощь сжатой пружины, готовой в любую минуту разогнуться с ужасающе смертоносной силой. И в то же время в ней была мудрость скрытого знания, обладание которым несло в себе и власть, и грусть одновременно.

– Я должна вам вернуть еще кое-что, – тихо произнесла Найтия. В ее ладони появился небольшой предмет, в котором Уни с удивлением узнал подаренное ему Ронко кольцо. – Это ведь было у вас, не так ли?

– Да, конечно, спасибо!

Уни протянул руку и взял кольцо. Найтия мягко, но быстро прикрыла глаза, и в следующий миг молодой герандиец ощутил нечто, что чуть не сбило его с ног. Это была волна, которую он чувствовал кожей, волна боли, тоски, горечи и страдания, которая шла от этой женщины и накрывала юношу целиком. У Уни закружилась голова. Он испугался, что сейчас, потеряв равновесие, снова рухнет с обрыва, но уже в следующее мгновение все стало, как прежде.

– Вы можете спуститься с горы по тропинке, которая начинается вон за тем камнем, – сказала женщина ровным, спокойным голосом.

– Да, конечно, благодарю вас! – поспешно поклонился Уни и дрожащими пальцами со второй попытки надел кольцо на палец.

– Унизель Вирандо, – окликнула его Найтия, когда переводчик уже готов был покинуть место их беседы.

– Да? – обернулся Уни на ее голос, не ожидая в душе ничего хорошего.

– Вы позволите дать вам совет? – спросила его женщина.

Уни смотрел на нее немного снизу вверх. Заходящее солнце белой аурой освещало ее волосы.

– Конечно, буду рад принять его, – обеспокоенно ответил он.

– При нашей следующей встрече, когда вы прибудете в обитель Стройного Ясеня, позвольте течению нести вас.

– Простите? – переводчик вежливо наклонил голову.

– Что бы ни случилось, не удивляйтесь и не подавайте виду.

– Разумеется! Я понял вас, – аккуратно поклонился Уни.

Это было неосознанной ложью: переводчик не понял абсолютно ничего из того, что сказала его новая знакомая. Но он был рад, что она так неожиданно окликнула его, потому что молодой человек уже достаточно пришел в себя и наконец вспомнил об одном действительно важном деле.

– Прошу прощения, вы случайно не знаете, здесь поблизости нет источника чистой воды?

– В сорока шагах к югу от вашего лагеря, между двух круглых камней. Ориентир – старая береза. Котелок, который вы обронили, лежит у подножия скалы, в траве у ствола упавшего дерева...

– Спасибо, я безмерно признателен вам и рад нашему знакомству! – обрадовался Уни, а ноги уже несли его по указанному маршруту.

– ...правда, ваши спутники уже воспользовались им, но ведь у вас есть более важная причина, чтобы так спешить, – скрупулезно закончила свою фразу женщина, и в глубине ее ореховых глаз засветилась улыбка. – А это значит, что нас всех ждут очень большие перемены...

Найдя котелок так же легко, как и обратную дорогу в лагерь, Уни боялся теперь только одного – как другие члены посольства отреагируют на его длительную, да еще и безрезультатную отлучку. Но, к его удивлению, все прошло совсем не так, как он ожидал. Имперские дипломаты уже давно сами нашли родник у самого лагеря и теперь вдыхали запах похлебки, идущий из котелка, и, похоже, чувствовали себя виноватыми перед Уни.

– Прости, дружище! – в несвойственной для него неуклюжей манере поднялся с места Рапурий Хардо, уступая переводчику место у костра.

– Да, погонял тебя по горам наш охранничек-то, а? – злорадно улыбнулся энель Стифрано. – Ты как ушел, лечила наш по нужде направился и на родник тот сразу наткнулся. Молодец, лечила! Такой нюх на отхожие места!

Энель Аслепи, флегматично помешивающий похлебку, размеренно хлопнул половником по кипящей жидкости. Горячие брызги полетели во второго посла. Тот с воплем вскочил и начал дуть на обожженное место.

– Водичкой холодненькой на роднике промойте, – спокойно глядя ему в глаза, сказал Аслепи.

– Энель Стифрано, мы тут не одни! – вмешался посол Санери. – С нами дама, если вы забыли.

– Да она все равно ни шиша не понимает! – со скрытым раздражением бросил Стифрано. – Эй ты, чего сидишь, как мраморная статуя? – обратился он уже к Онелии. – Вот видите, даже не реагирует!

– Не умеете вы ухаживать за женщинами, энель Стифрано, – холодно осадил его Уни. – Может, вам и правда к роднику прогуляться, а? Где два камня и старая береза? А то вот переведу сейчас, что вы сказали, да еще и от себя добавлю – какой скандал будет, смекаете?

Повисла напряженная тишина. Дело было не только в наглости переводчика, но и в том, что он прекрасно знал о расположении родника, хотя искал его совсем в другой стороне. Все это вместе сейчас позволяло ему полностью владеть положением.

– Не стоит вам, молодой человек, так злоупотреблять полномочиями... – медленно, с расстановкой проговорил Санери.

– А я и не злоупотребляю, – не дав ему закончить, усмехнулся Уни. Юноше казалось, что, вернувшись с горы, он несколько растерял то сидящее в крови уважение к начальству, которое всегда считалось свойственным именно герандийцам. – Напротив, я собираюсь исправить

досадный дипломатический конфуз, который так неосторожно чуть не вызвал достопочтимый энель Стифрано.

С этими словами он достал из пустого котелка роскошный горный цветок и торжественно вручил его Онелии.

Посольство в полном составе разинуло рты, забыв про выкипающую похлебку.

– Н-ну, знаете, энель Вирандо, вы... Вы молодец! – первым нашел что ответить Нафази.

– Абсолютная победа! – усмехнулся доктор Аслеппи, иронично оглядывая окружающих, которые медленно выходили из оцепенения и, кажется, тоже готовы были одобрить поступок Уни.

– Жених сыскался! – зло прошептал секретарь Гроки, но он был в явном меньшинстве. Даже Стифрано внезапно забыл про личные обиды и энергично хлопнул переводчика по плечу. Впрочем, сила, с которой он это сделал, заставила Уни предположить, что это была очередная попытка его убийства.

Однако сейчас для начинающего имперского ловеласа гораздо важнее было другое – как отреагирует на его поступок сама Онелия. Та, деликатно выждав, пока реакция посольских поутихнет, подняла на Уни изумрудные глаза и сказала:

– Позвольте выразить вам глубокую признательность за этот прекрасный подарок. Природа этого цветка очень необычна...

– Да, это «Гонец зари»! – мгновенно перебил ее Уни, не удержавшись продемонстрировать свои обширные познания в местной культуре.

– Я вижу, вы знаете, как он называется...

– Ну, – спохватился Уни, вспомнив о данном Найтии Ворен обещании, – я просто подумал, что это будет для него очень удачным названием!

– Оно и правда неожиданно удачное... – вежливо склонив голову, сказала Онелия, – для цветка, который принято дарить девушке, за которой долгие годы ухаживал влюбленный в нее молодой человек и которой теперь таким образом хочет рассказать о своих чувствах.

– Ой, простите! – пробормотал Уни пересохшим ртом. Если бы грунт здесь был хотя бы чуть-чуть мягче, юноша тут же зарылся бы с головой в землю от стыда. – Я просто не знал...

– Я приму ваш цветок, – с легким нажимом произнесла Онелия, – потому что он мне понравился.

Она мягко подала подбородок вперед, а потом слегка повернула голову вправо и немного расширила глаза.

– Но поскольку вы не из наших земель и не знаете того, чего вы об этих землях не знаете, то я... не буду придавать этому подарку значения, которое в него обычно вкладывают.

Уни несдержанно выдохнул, еще толком не определившись, радоваться теперь или печалиться.

С одной стороны, она не будет считать, что он к ней что-то чувствует, но с другой... Она не будет считать, что он к ней что-то чувствует! Вроде одно и то же, но и хорошо, и плохо одновременно!

– Вы меня, наверное, спасаете! – поджав губы, обреченно пробормотал Уни.

– Простите, я не совсем понял: она таки рада или нет? – вкрадчиво осведомился торговый посланник Богемо. – Энель Вирандо, вы не могли бы перевести, так сказать, общий смысл вашего диалога?

– Конечно, рада, светел мой день! – громогласно усмехнулся Стифрано и обратился к Уни: – Мужик! Теперь она тебе и вправду не откажет! Придем в монастырь – не теряя времени, и этой же ночью...

– Идите вы, энель второй посол... в монастырь! – кисло отреагировал Уни.

Быстро осушив котелок с похлебкой, члены имперской миссии энергично преодолели последний отрезок пути и еще до захода солнца достигли конечной цели всего маршрута.

Монастырем это место Уни окрестил скорее по аналогии. Именно так назывались отдельно стоящие поселения мустобримских жрецов Единого бога, окруженные крепостной стеной. Обитель Стройного Ясеня стен в привычном понимании не имела, поскольку ее хаотичная, на вириланский манер, архитектура была традиционным для этой страны образом органично вписана в природное окружение, в данном случае – в деревья.

– Ясени... – с задумчивой и приятной улыбкой произнес Нафази.

– Стройные... – напряженно сказал Санери, словно соизмеряя уровень стройности с неким одному ему известным идеалом. Результат его явно не устроил, а может быть, он просто волновался в преддверии встречи с анвиллами.

– Такое же бессвязное нагромождение полуразрушенных халуп, – уловив настроение начальника, пробормотал саркастически Гроки. – Надеюсь, нас сначала накормят и дадут отдохнуть, прежде чем представят местному... Как его там, энель Уни?

Переводчик не считал нужным как-либо реагировать.

Онелия, поклонившись, вежливо попросила подождать на небольшой лужайке или даже площади, образованной стенами умело скрытых среди деревьев строений. Растительность и мшистые камни, расположенные на первый взгляд в случайном порядке, при более пристальном рассмотрении стали казаться частью некой более масштабной и сложной композиции. Уни уловил как минимум две закономерности в их расположении относительно друг друга и еще две – относительно неких гипотетических объектов в других частях монастыря. Он уже собрался поделиться своими наблюдениями с проявлявшим смесь нетерпения и усталости энелем Санери, когда целительница вновь предстала перед посольством, на этот раз – в сопровождении еще одной женщины.

– Натайниш Ворен! – представила ее Онелия.

Та была выше Онелии на полголовы, однако казалась еще значительно из-за стройного телосложения и гордой, державной осанки. Первый посол Санери отметил то скрытое, не выставленное напоказ достоинство, с которым она несла себя в мир. Для второго посла большее значение имели длинные ноги, тогда как для энеля Богемо – терракотово-коричневые одежды из плотной рифленой ткани. Остальные члены посольства тоже, вероятно, что-то подумали – все, кроме энеля Вирандо. Тот смотрел в одну точку, как студент академии, которому преподаватель задал на экзамене вопрос по той единственной теме, которую он не успел повторить.

– Энель Вирандо, – вкрадчиво, но угрожающе проговорил энель Санери. – Очнитесь наконец от созерцания объекта вашей страсти и переведите то, что я сейчас сказал.

– Да, простите, энель посол! – спохватился Уни. – Госпожа... Ворен, ваши достоинство и грация вызывают искреннее восхищение посла Санери, чьими устами говорит Владыка всего, что под Небесами, достодержавный слуга милосердного Светила нашего Кергений!

Обе женщины посмотрели на посла, а потом на Уни странным взглядом. Переводчик на миг задумался: может быть, энель Санери сказал еще что-то, уже после того как Уни впал в ступор?

– Что вы им сказали? – натянуто спросил Гроки.

У Уни внутри все похолодело.

– Я просто перевел то, что сказал энель посол!

Санери закусил губу:

– Скажите ей, только о-очень вежливо...

Но Натайниш Ворен внезапно сама прервала его:

– То, что вы говорите, очень ярко свидетельствует о том, что ваше появление здесь должно нести в себе действительно большой смысл.

Услышав перевод, Санери сглотнул:

– Давайте самую суть, сразу, без лишних слов!

Он напоминал рыбака, смертельно уставшего сидеть с удочкой всю ночь под дождем, но теперь ухватившего здоровую рыбину и боявшегося, что она уйдет.

– Госпожа Ворен! – начал Уни голосом, который лично ему казался величественным и одухотворенным, хотя со стороны походило, что он произносит речь в честь недавно умершего родственника. – Мы пришли сюда с чрезвычайно важным известием! Будучи в плену у касты воинов, заботами счастливого случая мы стали обладателями известия о готовящемся нападении на анвиллов с целью их поголовного истребления, что наверняка откроет путь к убийству законного императора Вирилана и захвату власти жестоким Ягуаром – наследником Пятого царства, существовавшего некогда на территории Вирилана. В обмен на эту важную информацию мы просим вас содействовать в организации аудиенции у вириланского владыки, чтобы лично рассказать ему все детали заговора и тем самым засвидетельствовать всемерное уважение и поддержку со стороны повелителя Герандии Кергения!

Уни был очень доволен речью, которую произнес. Ему казалось, что он лаконично, но предельно точно изложил самую суть дела. Впрочем, посол Санери и другие члены посольства не разделяли его восторга, и не потому, что придерживались иной точки зрения, а потому, что все-таки ждали некоего осязаемого результата. На время стало очень тихо, только ветер пару раз легко прошелся по вспотевшему затылку энеля Богемо.

Неожиданно Онелия, едва заметно сдвинувшись с места, плавно, не качнувшись и на полмизинца, словно несла на голове тяжелый груз, переместила свое тело вперед и чуть вбок от Натайниш Ворен. Та, на мгновение опустив глаза, произнесла:

– Принять это знание от вас – неожиданность, но и пролог к чему-то большему. Если есть слова, что вы произнесли, значит, есть и порожденные ими дела. Мы вместе пройдем то, что сделано и потому названо. Возможно, сейчас вы захотите отдохнуть, а утром можно обсудить детали.

– Вы уверены, что правильно все перевели? – насупившись, поинтересовался первый посол, когда их уже вели в ночные покои.

– Я думаю, да, – нерешительно ответил Уни. – Понимаете, в вириланском языке смысл передается не только словами, но и отсылкой к неким другим... смыслам.

– Ну хорошо, – несколько смягчился Санери. – Завтра в любом случае все обсудим.

Начальнику, как и другим членам миссии, хотелось спать, а разговоры на важные темы сильно утомляли. Уни тоже был не слишком свеж, однако о сне сейчас думал в самую последнюю очередь. Он снова поймал себя на мысли, что в критических обстоятельствах, требующих быстрых решений, начинает вести себя нервно и суетливо, что отнюдь не идет на пользу его образу в глазах окружающих. И в ее глазах – тоже.

Уни вспомнил, как после ухода Натайниш Ворен бросился к Онелии, как смотрел на нее. Стыдно вспомнить. Как щенок на хозяина, собирающегося уйти из дома.

– Вы... уходите?

– Да, но в монастыре я останусь до завтрашней беседы.

Он испугался и открыто показал свой испуг. Наверняка ей было смешно. Вот всегда так!

Уни с досады вырвал из брови волос. Надо подумать о чем-то другом. Вот эта Найтия Ворен. Или Натайниш Ворен? Мда. И как это все понимать? И спросить не у кого.

Словно читая его мысли, на пороге комнаты возник Хардо. Точнее, порога никакого и не было, равно как и двери. Вход представлял собой закрученную каменную улитку. Чтобы войти внутрь, нужно было почти на месте повернуться вокруг собственной оси.

– Ну и как тебе все это? – встретил его Уни вопросом. Он был совсем не удивлен компании охранника и даже в глубине души ждал его прихода.

– Не очень, – мягко ответил Хардо. – Стражи на входе нет, любого можно зарезать и уйти спокойно.

– А-а-а, так ты с обходом?

Хардо смущенно пожал плечами:

– Начальник попросил присмотреть за тобой. – Он немного помолчал, а потом добавил: – Ты меня извини... за родник. Сглупил я.

– Да ладно, проехали. – Уни по-хозяйски усмехнулся. – Может, оно и к лучшему.

Снова наступила неловкая пауза.

– Что к лучшему? – спросил Хардо.

Уни демонстративно вздохнул. Он пребывал в положении человека, которому дико хотелось выдать тайну, однако формально данное обещание не позволяло этого сделать. А поскольку формальное можно победить таким же формальным, Уни требовалось вмешательство третьей силы, которым он мог бы объяснить собственной совести, почему сейчас нарушит данное слово.

– Даже не знаю, что тебе сказать. Я очень ценю твое отношение, Хардо, но есть вещи, которые не могу доверить даже тебе. – Переводчик снова глубоко вздохнул. – Понимаешь, я дал слово...

– Ага! – неумолимо кивнул охранник. – Не тяни. Самую суть.

– Ой... – демонстративно помедлил Уни, изображая муки совести. – Эта женщина, Натайниш Ворен. Или Найтия Ворен, как она сначала представилась, я так и не понял... В общем, я видел ее там, на горе.

– На какой горе? – вкрадчиво уточнил Хардо.

– Ну, когда за цветком... Неважно. В общем, я ее видел и даже разговаривал с ней. То есть не только разговаривал...

Если бы здесь вместо охранника был, скажем, Стифрано, то второй посол, несомненно, отпустил бы по этому поводу какую-нибудь шутку. Возможно, Уни втайне от себя ожидал именно такого результата. Однако на лице Хардо можно было прочесть только легкое раздражение.

– Да что говорить, она просто спасла меня! – продолжил Уни. – Когда я падал. Подхватила за руку. Сила нечеловеческая, понимаешь? И скорость. Вот. Да, и просила никому не рассказывать, что я ее видел. По крайней мере, я так это понял. Хотя...

– Это точно была она?

– А-ай! – зашипел Уни. – Вот в том-то и дело! Ты сейчас самую суть сказал.

– И жду того же от тебя.

– Хорошо. Там, на горе, она назвалась другим именем. Почти другим. Найтия Ворен. А тут – Натайниш Ворен. Хотя это ее так Онелия назвала.

Хардо деловито пригладил усы.

– Может, Натайниш – имя, а Ворен – должность?

– Может быть. Еще варианты?

– Сестра-близнец.

– Да, это первое, что мне пришло в голову. Только... это еще не все. – Уни поскреб щетину на небритом подбородке. – У тебя было когда-нибудь такое ощущение, что ты видишь хорошо знакомого человека, то есть глаза, рот, нос, волосы – все такое же. Но это не он?

Хардо пожал плечами:

– Была в театре Хонто одна пьеса...

– Что? Ты в театр ходишь?

– Был пару раз, по долгу службы. В пьесе той в одного парня вселился злой дух. Человек остался тем же, а нутро – совсем другое.

– Вот! Хардо, ты меня просто удивляешь! Очень точная аналогия.

– Ты веришь в духов?

– Я – нет. Но кто его знает, что здесь может произойти. Это была она – и не она.

– А прямо спросить нельзя?

– Нет, конечно! Она же просила... Если спрошу – все испорчу. Я это вот здесь чувствую! – Уни постучал себя кулачком в грудь.

После ухода Хардо он еще долго ворочался в кровати-лодке, продираясь через дебри различных объяснений случившегося, преимущественно – фантастических. «Надо будет Онелию разговорить. Не так, чтобы прямо в лоб, а чтобы она сама мне обо всем рассказала. Тогда и слово не нарушу, и информацию получу». Довольный своим хитрым планом, он наконец заснул.

Глава 2. Как взрастить гроздь гнева

Соргий Квандо, тихо мурлыкая, полностью предоставил свое тело в распоряжение двух кряжистых улиньских массажисток. Традиция отдавать дань такой приятной во всех отношениях процедуре перед обеденной сиестой полностью себя оправдывала.

К большому удивлению – как собственному, так и окружающих, – из вчерашнего беспутного гуляки получился весьма смекалистый продолжатель отцовского дела. Ну и пусть энель Квандо-старший делает основные деньги в столице! За считанные месяцы его сын на «малой родине» сумел доказать, что при минимальном творческом подходе оставшиеся в Вуравии мебельная мастерская и маслобойни способны приносить в четверть больший доход. Чего стоит одна только его покупка у денежного дома Хлааву земельных участков сотни разорившихся крестьян? Бедняги так и не смогли получить с них достойный урожай, чтобы расплатиться с долгами. Еще бы, земля-то – один песок, камни да глина. Знакомые отца крутили пальцем у виска, конечно. Только не понять им, что при таком бешеном строительстве, какое идет сейчас в процветающей Вуравии, стройматериалы ценятся на вес золота. Наскоро соорудив несколько карьеров и немного вложившись в правильные сплетни, Соргий уже через две недели продал теперь уже единый участок в три раза дороже. Отослав половину выручки отцу, он искренне прослезился, прочитав ответное, полное теплоты и гордости за сына письмо.

Ну, хватит на сегодня дел да лирики! Пришло время порадовать старину Турвия, что уже сорок лет верно служит поваром в их семейной городской усадьбе. Уехав в столицу в семилетнем возрасте, Соргий тем не менее прекрасно помнил этого мягкого, стеснительного человека, который волшебным образом у себя на кухне преображался в неподражаемого кудесника. Вот и сейчас перед глазами стоят яркие детские воспоминания: приятный вечер, дружеская компания не самых бедных людей Тампритэнсы, приглушенный свет, вибрация воздуха от струн кифары... Все пробуют речного волка в тонком соусе из оранского масла и жира рыбешек помельче, потом громкими пьяными криками требуют немедленно повара. Энель Турвий, ссутулившись, выходит в центр зала, глаза опущены, руки сложены на животе. Дородные, заносчивые вуравийские купцы, жестокие «дяди» преступных кланов, как по команде, встают и рукоплещут – дико, истово и самозабвенно. По щекам маленького Соргия текут слезы. Он бежит через весь зал и обнимает энеля Турвия за ноги. Каждый раз, когда гостям выносили главное

блюдо, Соргий страшно волновался за повара, у которого всегда самый вкусный кусочек был припрятан для его маленького друга. Но главное – он просто любил этого человека, удивительным образом сочетававшего в себе высшее мастерство в деле и доброе, открытое сердце.

Окунувшись в приятные воспоминания в предвкушении вкусного обеда, Соргий мягко плыл по улице в роскошном паланкине, когда услышал сквозь привычный шум толпы чей-то знакомый голос. Да, определенно, от этого сборища на разгрузочной площадке перед Центральным рынком веяло интригой и тревогой одновременно. Остановив взмахом руки транспортное средство, он стал продираться сквозь собравшийся народ, который с интересом слушал окруженного группой странных людей в желтых масках высокого оратора, использовавшего как трибуну телегу с ящиками из-под железных корабельных гвоздей.

– ...веками славилась своим богатством! А за четыреста лет империи Вуравия по праву стала называться Большой кормилицей. Но где же все эти сокровища? Почему все о них говорят, но никто из нас не может почувствовать их в руках, принести домой своим семьям? Разве золото – это вода, ускользающая сквозь пальцы? Что же это за кормилица такая, что не может прокормить собственных детей?!

– Верно! – раздалось из толпы. – Горбатишься изо дня в день, чтоб поганые герандийцы забрали последнее!

– Герандийцы? – оратор демонстративно приложил ладонь к уху. – Тут, кажется, кто-то сказал «герандийцы»? А где ты их видел, парень? Пока я шел сюда, вдоль проспекта Тысячи Радостей, мимо квартала Анпируэрни, где дома – нам на такие три века вкалывать, и по задворкам Тягучего Конца, где бедняки живут в старых бочках из-под масла, я не встретил ни одного герандийца. Зато я видел немало «жирных котов», которым бесполезно говорить про тяготы простого люда. Они просто не поймут, что это такое – каждый день сражаться за то, чтобы твои дети не умерли с голода! Терпеть унижения, обман и поборы от наглых и вороватых чиновников! Почему они так богаты, ответьте мне? Почему они ласкают своих любовниц на шкурах торгских песцов, когда наши дети мерзнут холодными ночами? Почему они за ночь спускают в заведениях столько леро, что целый район может полгода жить припеваючи? Почему владеют дворцами, которым позавидовал бы сам император, а десятки тысяч рождаются, живут и умирают, так и не получив собственного жилья?

– Деньги! – нестройными криками ответила толпа. – Купцы... Торгуют... Денежные дома!

– А почему у них есть деньги? Потому что они такие умные и работающие? Нет, все их богатство создается вашим трудом, но каждому из вас – от простого курьера или ремесленника до образованного писца и холеного управляющего – достаются лишь крохи со стола хозяина. Торговля? Да они сами говорят, что ее не бывает без обмана! Денежные дома? Нет, ростовщики – мерзкие пиявки на теле настоящих работников! Делают деньги из воздуха – но разве они кудесники? И миллион леро ничего не стоит, коли нельзя обменять его на реальный товар. Нет, не из воздуха эти деньги, а из вашего пота и крови! А это значит, что ответ тут может быть только один: они богатые, потому что вы – бедные! Но разве это обещал Норей Основатель? Нет, он говорил: «Светило небесное, наш великий и добрый господин, щедро дарит свои лучи всем людям на этой земле, так и я впредь, и великая наша империя откроют свои богатства для всех, кто живет в ее пределах». Но «жирные коты» предали забвению эти великие слова. Они подло скрывают от нас книги с его заветами, чтобы простой народ навсегда забыл о том, на что он имеет право!

– А ты сам-то видел эти книги? Откуда про то знаешь?

– В Вуравии сохранился лишь один экземпляр – в библиотеке Дракация Нери. Этот крокопицца, скупивший всю землю в нашей цветущей провинции, как огня боится, что люди узнают правду! Но мы пойдем к нему и потребуем показать нам этот священный документ!

– Да! Правильно! – заколыхалась толпа. – Я тоже слышал... Надо пойти... Так там нас и ждут... Встретят каленой сталью... Имеем право... Надоело так жить, лучше погибнуть в борьбе!

– Мы, братья-«дворники», десятилетиями готовили этот великий поход за правое дело! – с воодушевлением, ощущая поддержку разгоряченных людей, продолжил со своего ящика высокий незнакомец. – Мы готовы были и дальше копить наши силы, но я, Верховный дворник, сказал себе: хватит! Нет сил больше смотреть, как народ страдает! Расправим плечи, вспомним, что мы свободные граждане великой страны! Пойдем и возьмем то, что обманом отняли у нас, что причитается нам по праву!

– Не может быть... – пробормотал Соргий. Лица под маской было не разглядеть, но голос... Не узнать этот сильный, с характерной игрой интонациями голос он просто не мог. Вандей! И слова! Слова в точности те, что были в той дурацкой рукописи... Он им всем такую раздавал: ему, Вордию, и Уни тоже... Но раньше «дворники» никогда не действовали так открыто, тем более здесь, в Вуравии... Его же повяжут – надо что-то делать!

Тем временем Верховный дворник уступил место своему соратнику, который стал взывать к собравшимся, уже исходя из конкретных локальных проблем. Что-то там про налоги, долги и продажных чиновников. Судя по прекрасному владению предметом – местный представитель этой шайки. Зла не хватает!

Слушая вполуха, Соргий стал активно протискиваться к импровизированной трибуне. Теснившиеся вокруг ремесленники, разнорабочие и босяки весьма подозрительно реагировали на одетого в роскошную накидку и широкие шелковые штаны человека, который служил наглядной иллюстрацией образа упомянутого «жирного кота». Но пока в глазах этих людей еще не было открытой ненависти и злобы, пока они еще нехотя, но пропускали его вперед.

– Эй, там! – окликнул Соргий перегородившего проход за телегу громилу. – Главного вашего позови!

Громила не реагировал. Тогда Соргий приподнялся на цыпочках и, смешно вытянув шею, прокричал:

– Слышь, ты, Верховный дворник! Узнал меня? Да пропусти ты, дубина, чтоб тебя!

Наконец ему удалось просочиться внутрь. Глаза Верховного дворника недобро сверкнули из-под маски, и маленький вуравиец уже было подумал, что обознался. Но предводитель смутянов схватил его за плечи и толкнул в щель между забором и лежащими на земле ящиками.

– Ты что тут делаешь? – спросил он Соргия напряженным шепотом.

Тот вздохнул с облегчением, но потом сразу перешел в атаку:

– Что значит «что»? Я вообще-то здесь живу, в отличие от тебя! А вот что ты здесь забыл и какого Мрака сеешь в моем родном городе эту мерзкую смуту?! Вот об этом я хотел бы тебя спросить!

Вандей быстро огляделся:

– Немедленно возвращайся домой и уезжай из Тампритэнсы!

– Ой-ой, вот делать мне больше нечего, как играть в твои глупые игры!

– Ты ничего не понимаешь! Все очень серьезно. Таких, как ты, будут убивать в первую очередь, и я уже ничем не смогу помочь!

– Да ты совсем рехнулся? Я сейчас даже не буду говорить про Солнечную стражу и городской гарнизон, потому что ватага всего одного из местных «дядьев» порежет тебя и твоих людей раньше, чем ты успеешь моргнуть в полдень, а эта толпа жалких неудачников разбежится после первого же кочурика, запачкавшего мостовую кровью!

– Как знаешь, – сухо ответил Вандей. – Я тебя предупредил. А сейчас прости, но я не могу с тобой долго разговаривать.

– Я тебя тоже предупредил! – огрызнулся в ответ Соргий. – И очень желаю, чтобы тебя повязали как можно раньше, ибо, если ты или твои дружки умудрятся зашибить даже самого

мелкого купчишку, все мои знакомства не помогут спасти тебя от последнего слова перед казнью!

Домой Соргий явился в отвратительном расположении духа. И надо же было испортить такой прекрасный день! Немного оттаяв за мидиями и речным угрем работы энеля Турвия, он решил закрепить успех бокалом прекрасного санфонзини – редкого сорта белого вина с виноградников в капоштийской Винцене. Тут в комнату ворвался детский смех, а на его волне – две милые озорницы, Лафения и Сафия.

– Соргий-Соргий, угадай! – хором прокричали они.

Тот замер с куском рыбы во рту в полном замешательстве. Родившихся после его отъезда в Энтеверию близняшек он видел крайне редко и до сих пор не научился толком их различать. Те, разумеется, всю этим пользовались: разыгрывать старшего брата стало их любимым домашним развлечением.

– Ну, – в замешательстве выговорил Соргий, безуспешно пытаясь найти различия, – вы прямо как молнии в солнечный день!

Он точно знал, что Лафения более резкая, а Сафия – наоборот, периодически бесит сестру (и не только ее!) своей неторопливостью. Так, вот у этой глаза, кажется, так и бегают...

– Ты Сафия... – осторожно ткнул он столовым прибором, но девочка возмущенно вскрикнула:

– Не делай так больше, нельзя в людей вилок тыкать!

– Ой, прости! – искренне покаялся Соргий. – Да и похоже, я опять проиграл.

– Проиграл купец в кости весь товар, словно склад его весь спалил пожар! – дружно прокричали проказницы и со смехом умчались прочь.

– Нет, я никогда не научусь их различать! – в отчаянии бросил вилку на стол Соргий. – Энель Рирцамо, энель Рирцамо!

– Слушаю, молодой господин!

Управляющий городской усадьбой семьи Квандо в Тампритэнсе обладал магической способностью почти мгновенно возникать перед глазами, в каком бы помещении просторного дома ни находился. Соргий считал, что это из-за тридцатилетнего опыта работы, однако в глубине души не исключал и причин мистического характера.

– Энель Рирцамо, к моему возвращению подготовьте вечерний прием, на четыре персоны. Мустобримские ароматические свечи, небольшой струнный ансамбль, вино... сладкое... на ваш выбор... Фрукты... Ничего тяжелого. И отправьте от моего имени приглашение трем... нет, перебор – двум гетерам первого ранга. Думаю, Сиатерия и Травантия подойдут, да. Я с ними заранее договаривался, если что.

Управляющий поклонился с той мягкой почтительностью, которая отличает действительно умелого и понимающего слугу.

– Молодой господин, все будет сделано, как вы приказываете. Позвольте также перед вашим возвращением в контору сообщить, что на улице сегодня не совсем благоприятная погода.

– Погода? – насмешливо скривил лицо Соргий. – У нас что, метель под окном, как в Торгендаме?

Энель Рирцамо на миг в смущении опустил глаза, а потом сказал:

– Беспорядки, молодой господин. Чернь взбунтовалась.

Соргий закусил губу. С запозданием он понял, что управляющий использовал иносказание из вежливости, чтобы хозяин своим отказом выйти из дома не дал оснований упрекнуть себя в трусости.

– Помилуй, дружище, какие беспорядки? Был я на этом сборище возле рыночной площади – ничего особенного, одна болтовня!

– Простите, молодой господин, но после вашего возвращения погода, кажется, ухудшилась.

– Да хватит уже с этим! – Соргий на миг резко зажмурился, а потом решительно встал из-за стола и подошел к окну. Там было тихо. Тогда он требовательно спросил:

– Говори прямо: что ты знаешь?

Управляющий, как будто по воздуху, неслышно приблизился к стоявшему в напряжении хозяину и произнес:

– Бухарт, садовник, своими глазами видел, как толпа пошла к Анпируэрни.

– Богатый квартал? Они что, совсем спятили?

– Не знаю, молодой господин. Только они требовали показать какой-то документ...

– Манифест Норея... Бред! Это же подделка!

– Но люди верят, что он существует. И еще они требовали прощения всех долгов и снижения процентов по новым кредитам...

– Да уж, кто бы сомневался!

– Им даже удалось прорвать кордон Солнечной стражи, но у самого квартала, хвала Светилу, разогнали навозников. Говорят, «племяннички» порезали двух или трех из них, а остальные сразу же дали деру.

– Конечно! – сжал кулаки Соргий. – Я же говорил ему...

– К сожалению, это еще не все. Негодяи на улице по-прежнему опасны. Соседу вашему, почтенному Ванпурию Сондо, закидали паланкин гнилыми фруктами. А управляющего его, Ликия, измазали дегтем и велели передать: ночью придут громить почтенных господ, что живут вне пределов Анпируэрни. Вот почему, молодой господин, я сказал вам, что погода на улице сегодня не очень. Остаться бы вам дома...

– Только этого нам не хватало! – с рычащим возмущением отреагировал Соргий. От волнения он стал энергично крутить на палме верхнюю пуговицу с резным изображением оленя. – Так... так... Открывай тайники, нужно вооружить слуг. Закрывать все ставни, ворота подпереть, ночные дежурства по стражам... Девочек беречь – жизнью отвечаешь!

– Слушаюсь, молодой господин! Но вы же...

– Я должен отлучиться, надеюсь, ненадолго.

– Простите, но это может быть чрезвычайно опасно!

– Ты прав, дружище, но я знаю эту опасность по имени!

* * *

– Я вас спрашиваю, что вообще происходит в моем городе?!

Дракация Нери трясло от возмущения. Он обычно сильно потел, когда волновался, и сейчас даже самый стойкий капоштийский парфюм не мог заглушить весьма специфический аромат, идущий от самого богатого человека Вуравии.

– Эти навозники должны были поддержать наше выступление против империи, а вместо этого? Вместо этого они кричат: «Долой “жирных котов”!» Мы что, для этого целый год сдавливали петлю на их шеях, нагнетали ненависть к этому мальчишке Кергению?

– Нет, господин.

Члены совета знати выглядели абсолютно беспомощными и потерянными. Примчавшись к своему патрону за защитой при первых же признаках беспорядков, они меньше всего готовы были отвечать на конкретные вопросы относительно положения дел.

– И это все, что вы можете? Где этот слизняк-губернатор? Где префект Тампритэнсы, Мрак его поглотил? Они давно должны были быть здесь и докладывать о мерах по подавлению мятежа!

Грузный, облысевший человек с широким лицом мясника и в расшитых рубинами малиновых одеждах нутужно засопел, прокашлялся и наконец выдал:

– Губернатора вроде как в столицу на доклад вызвали, третьего дня еще. Префект ноги лечит, на водах в Сокуэро. Да, и... кхе... бо́льшая часть гарнизона занята на ремонте дорог в провинции, а начальник с офицерами на охоту уехали. Куда – не знаю, но, говорят, будут только через месяц.

– Нет, ну хорошо устроились! – всплеснул руками Нери и обвел взглядом просторную базилику с мраморными колоннами и роскошной мебелью из темного ванкутинского кедра. – А нас здесь за это время всех поубивают, да? Энель Сиарфо! Вы как секретарь совета должны взять на себя обязанность организовать защиту нас и нашей собственности от этих... «дворников»! Откуда они взялись вообще?

Малиновый энель Сиарфо, в очередной раз закашлявшись и скривив лицо от горечи, хлебнул теплого настоя с перцем, одновременно делая не то останавливающий, не то успокаивающий жест правой рукой:

– Была тут у нас кучка горлопанов, пустые людишки... Никто за ними не стоит. Да вы не беспокойтесь, энель Нери, там уже все делается. Большую толпу разогнали, а «племяннички» к ночи кварталы прочешут...

– Какие еще «племяннички»?! – заревел на него патрон. – К вечеру здесь должны быть воинские части! Все, что остались в городе! Я что, за красивые глаза им приплачиваю?! Срочно отправьте гонца в Цитадель – кто у них там исполняющий обязанности? Собрать всю Солнечную стражу с улиц в один кулак, организовать охрану периметра Анпируэрни!

– Слушаюсь, господин! – хрипло ответил энель Сиарфо.

– А может, у императора помощи попросить, коли такое дело? – подал голос кто-то с дальнего конца стола.

– Ну вот еще! – недовольно оскалился Нери. – И что тогда будут стоять все наши планы? Справимся сами! К утру – бунт подавить, головы зачинщиков – на колья у Центрального рынка, в назидание другим!

Получив наконец решительные указания, присутствующие заметно воспряли духом. Некоторые даже стали с оптимизмом поглядывать в украшенные резными решетками квадратики окон, за которыми уже не было слышно глухого рева толпы вперемешку с отдельными, особо громкими проклятиями на голову знати. Они еще не знали, что в эту минуту высадившиеся со стороны реки группы неприметных, но умелых бойцов тихо берут под контроль порт, ворота и городские учреждения: суд, почту, крупнейшие храмы и Форум Правды, где скрепляются торговые сделки. Оставшись без начальства и боясь ответственности, временный комендант Цитадели принял типичное для бюрократического герандийского духа решение – забаррикадироваться внутри и «убивать всякого, кто посмеет проникнуть за стены». Однако неведомые люди в коричневом с картой подземных ходов на руках проникли в крепость изнутри, вырезав подчистую загнавших себя в ловушку защитников.

Большинство патрулей Солнечной стражи разбежалось сразу же после того, как бунтовщики смяли их первый заслон. Кто-то даже, поспешно сменив форму на гражданскую одежду, вместе с семьями поспешно покинул город. Забегая вперед: им действительно удалось выжить. Меньше всего повезло тем, кто решил укрыться в центральной управе: «коричневые» впустили их внутрь, а потом отправили вслед за столичным гарнизоном. Уцелеть удалось нескольким десяткам бойцов, несущих караул в оцеплении квартала знати Анпируэрни, однако улицы города теперь остались без охраны.

В результате рассеянная недавно толпа стала собираться вновь, но теперь она была многолюднее и агрессивнее. По волнам этого дышащего ненавистью людского моря качались тела убитых «племянничками» горожан. Их родственники, друзья, соседи и просто случайные, поддавшиеся страшному водовороту прохожие омывали свои лица и руки текущей из ран кровью,

взывая к отмщению. С появившихся из портового квартала телег стали раздавать народу оружие и настоящее на горькой траве *фунеда* вино – «для храбрости». А над широкими проспектами Тампритэнсы вместо пространных требований к знати стал звучать только один короткий клич: «Смерть „жирным котам“!»

Глава 3. В поисках Избранного

Орководий Кейрис, Верховный наставник касты воинов, неподвижно стоял напротив Ягуара, занятого крайне важным делом – осмотром своего меча.

– На мече не должно быть изъянов, – медленно, но четко произнес аринцил, внимательно изучая лезвие. – Даже самый малый изъян – смерть!

Орководий, погруженный до того в свои мысли, медленно поднял глаза и, соглашаясь, с достоинством поклонился.

- Охотников кто убил? – размеренно, даже беспечно спросил господин Ягуар.
- Собственные стрелы стали причиной их гибели.
- Они убили себя сами?
- Это возможно. Не смогли догнать пленников. Это позор. Хуже смерти.
- Или им помогли?
- Пленникам помогли точно. Их единственный путь – к анвиллам.
- Значит, мы их скоро увидим.

Аринцил вытянул руку с мечом вперед и, мгновенно прыгнув в низкую широкую стойку, мощно ударил по дуге вверх, и тут же, резко развернувшись на носках, атаковал в противоположную сторону. В этот раз лезвие прошло почти вплотную к лицу Орководия. Воздух вокруг угрожающе загудел, однако вирилан не обратил на это никакого внимания.

– Мы выступаем немедленно! – рявкнул аринцил, глядя наставнику прямо в глаза.

– Мы выступаем немедленно, господин, – глухо повторил тот, не отрывая взгляда от пустоты где-то за плечом аринцила, – как только закончим все приготовления и подготовку молодых воинов. – Он сделал короткую паузу, затем продолжил: – Я ваш меч, господин... – Орководий медленно перевел взгляд на клинок: – На мне не должно быть изъянов.

Ягуар прищурился, пытаясь поймать взгляд вирилана, но очень скоро отказался от этой затеи и взмахом руки отпустил его.

Почтительно поклонившись, Орководий Кейрис покинул нового лидера касты и направился в свои покои. Он медленно шел по извилистым узким коридорам крепости, в которой все было устроено так, чтобы создать как можно больше трудностей для атакующих. Не зная точного расположения помещений, враг рисковал заблудиться в этом лабиринте с обилием лову-

шек, бойниц и потайных ходов, по которым защитники могли перебрасывать силы для обстрелов и неожиданных атак из-за угла. Но Оркодий шел уверенно, с чуть прикрытыми глазами, хотя мог бы двигаться вообще вслепую. Крепость была для него живым, дышащим организмом, и сейчас через ее толстые стены он слышал и ощущал тысячи своих воспитанников, тренирующихся, отдыхающих, принимающих пищу и беседующих в многочисленных общих залах и личных комнатах. Они были в прямом смысле его творениями, пустыми сосудами, в которые он заложил собственное содержание, продолжением его разума, воплощенным в живых телах. Про каждого он мог бы сказать наперед, как он поведет себя в той или иной ситуации, что ответит на тот или иной вопрос, какотреагирует на различные события.

Впрочем, не нужно было быть наставником, чтобы уловить тот дух нетерпеливого ожидания, который пронизывал всю обитель касты воинов. Вне зависимости от индивидуальных различий, всех интересовал только один вопрос: когда наконец они выступят в долгожданный поход против ненавистных анвиллов? Когда смогут реализовать то, ради чего родились и тренировались всю жизнь, что является высшей точкой устремлений любого воина, – обретение власти? Ведь способность побеждать, убивать и покорять есть власть в самом ее полном, естественном проявлении, присущем каждому из них с самого рождения. Этот круг должен наконец замкнуться, и лишь тогда они выполнят свое предназначение.

Войдя в свои покои, Оркодий на мгновение замер. Его разум и тело всегда были настоящим, вот и сейчас наставник воинов стоял несокрушимой скалой, готовой отразить атаку с любого направления. Но это было нечто другое. За потайной дверью в восточной стене его кто-то ждал. Оркодий физически ощутил, как камень трется о камень, стена отходит в сторону, образуя узкий, в рост человека, проход. Женщина, появившаяся в комнате, была облачена в длинное свободное одеяние белого цвета, а в правой руке сжимала посох. Оркодий осторожно вынул из ножен меч и, держа его обеими руками, направил острие на незваную гостью.

Отделявшее их расстояние они преодолевали так, словно шли по опасной трясине. Оркодий видел перед собой не человека из крови и плоти, а совокупность механических деталей, взаимное расположение которых создает прочную, непоколебимую структуру. И такую же прочную структуру олицетворял собой сам наставник, без особых усилий добиваясь того, чтобы она сохранялась при каждом шаге, при каждом движении рук, головы, пальцев – всего тренированного, ставшего единым живым оружием тела. Если бы сейчас даже самый титулованный борец имперского цирка с силой уперся Оркодию в плечи, в руки – да куда угодно, то не смог бы не то что остановить его продвижение, но даже слегка поколебать устойчивость его позиции.

То же самое можно было сказать и о его госте. Женщина держала посох обеими руками вертикально у правого виска, однако в двух шагах от Оркодия она быстро, но плавно опустилась на правое колено. Ее оружие, словно падающая сосна, описало дугу и со стуком легло на пол по диагонали между ней и наставником. Тот, опустив руки и шагнув назад, ушел из-под удара, затем осторожно опустился и положил меч параллельно шесту.

– Оркодий Кейрис, с почтением и благоговением вижу вас и приветствую вашу силу! – произнесла женщина, вежливо склоняя голову.

– Найтия Ворен, с почтением и благоговением вижу вас и приветствую вашу мудрость! – ответил наставник воинов.

Поднявшись, оба разместили оружие на специальных стойках вдоль стены и плавно опустились на деревянные стулья с резными высокими спинками.

Некоторое время оба вирилана сидели молча, однако это не было той очевидной формой борьбы характеров, которая так распространена среди склонных к насилию людей и состоит в стремлении подавить взглядом волю оппонента. И воин, и представительница анвиллов смотрели каждый куда-то внутрь себя, однако вместе они образовывали тот вид особого духовного единства, который возникает при общении хорошо знающих друг друга людей. Между ними

словно происходил незримый, но полный смысла разговор, в котором даже самые неприметные на первый взгляд детали вроде мелкой мимики, пульсирующей артерии или ритма дыхания отсылали к образам особого языка, понятного лишь живущему в той же смысловой вселенной.

– Я ждал вас, но вы пришли еще раньше.

– Я позже узнала об изменениях.

– Я вижу в этом особый смысл. Если события меняют направление, последний становится первым.

– Именно поэтому я здесь.

– Да. Прошу вас, – Оркодий вежливо склонил голову.

– К нам прибыл посол, – произнесла женщина. Ее голос прозвучал неожиданно звонко. –

Могу ли я предположить, что вы...

Она сделала приглашающую паузу.

– Да, – снова поклонился наставник воинов. – Несомненно, вы знаете. Я рад, что могу подтвердить вам это лично.

Он на мгновение прикрыл глаза.

– Я убедился: он несет послание. Теперь в этом нет никаких сомнений.

По лицу женщины словно прошел еле заметный ветерок. Мелкие мышцы на скулах чуть напряглись, ее взгляд стал острее и печальнее одновременно.

– Мы все ждали этого, – произнес воин, сделав намеренный акцент на втором слове. Он чуть отвел взгляд в сторону, а его голос стал ощутимо тише.

– Благодарю вас, – сказала Найтия почти шепотом.

– Вы ведь знаете, что в послании? – спросил ее Оркодий, возвращая взгляд к собеседнице.

– Полагаю, что да, – произнесла та уже своим обычным голосом.

– В таком случае вы позволите мне озвучить?..

– Прошу вас, – еле заметно, но с почтением кивнула Найтия Ворен.

– Все мы знаем о послании и о том, в чем оно заключается. Дело в том, что ничего из этого не знает сам посол.

– Включая то, что он посол, – аккуратно, с расстановкой произнесла женщина.

– Вы абсолютно правы, – согласился с ней Оркодий Кейрис. – Послание – это существующий текст, и от того, что он не высказан, он не перестает управлять реальностью.

– И тем, кто его должен произнести.

– Вы полагаете, что... он предусмотрел это?

Найтия Ворен внимательно посмотрела на воина и сказала:

– Я полагаю, что самое правильное сейчас – следовать обычному порядку вещей. Именно это в итоге лежит в основе любого, даже самого необычного... замысла.

– Вы, безусловно, правы, – согласился Оркодий. – Но проблема в том, что обычный порядок уже был изменен...

– ...с появлением аринцила, вы полагаете?

– Именно так.

– В этом случае он тоже часть замысла.

– Он знает про печать Пятого царства. Он знает многое, и это было ему дано. Я спрашиваю себя: кем, от кого?

Найтия Ворен чуть заметно откинула голову назад:

– Ваш вопрос рождает и ответ на него. Если он знает про печать, значит, он ее получит.

Так и должно быть.

– Безусловно, – почтительно сомкнул веки Оркодий. – Вы позволите угостить вас...

– У меня есть прекрасный чай.

– Водой в таком случае.

Налив из бронзового кувшина воду в небольшой округлый сосуд, наставник воинов осторожно установил его на маленький треножник между собой и гостей. Найтия Ворен, еле заметно вытянув руки, обхватила сосуд ладонями и чуть прикрыла глаза. Через короткое время сосуд едва ощутимо загудел, а стенки его задрожали.

– Насколько я помню, ваш прекрасный чай не требует доведения воды до кипения.

– Вы правы, – мягко произнесла женщина и едва заметно убрала ладони. – Хотя я слышала, что это правило было введено, чтобы не обжечься.

– Вот оно как! – медленно покачал головой Оркодий.

В его руках появилась небольшая деревянная лопатка. Найтия Ворен, подняв на уровень глаз небольшой мешочек из плотной грубой ткани, начала медленно высыпать его содержимое. Наставник, не меняясь в лице, стал вращать лопаткой с такой невообразимой скоростью, что сушеные чайники образовали в воздухе маленький ураган – словно ввинчивались в горячую воду. По комнате мгновенно разнесся свежий, проясняющий ум запах горных трав.

– В древности говорили: если разделишь запах чая из одного сосуда, то пить его уже необязательно, – слегка подняв уголки рта, произнес воин. – Тем не менее позвольте предложить вам хотя бы глоток как символ вершины восприятия этого утонченного аромата.

– Только вместе с вами, Оркодий Кейрис, – повернув голову и чуть подняв брови, ответила Найтия Ворен.

Медленно подняв обеими руками маленькие чашечки из бежевой, покрытой мелкой сеткой трещин керамики, они неспешно осушили их.

– Вы собираетесь атаковать нас, – спокойно произнесла Найтия Ворен.

– Сочту за честь, – почтительно согласился Кейрис.

– Жаждет ли аринцил крови анвиллов?

– Он готов истребить всех. Лично.

– Я нахожу это... очевидным, но вряд ли это в естественной природе вещей. Это наши дела. Правильным ли будет позволить чужаку пытаться убить вириланов?

Оркодий Кейрис на мгновение погрузил взгляд глубоко в себя.

– Я вижу, вы уже думали об этом, – продолжила Найтия Ворен. – И судя по всему, нашли ему пару для поединка. Среди других чужеземцев.

– Может ли один конь войти в двое ворот? – задумчиво проговорил наставник воинов. И тут же ответил сам себе: – Может, если это два коня, но для кого-то они лишь части целого.

– Он послал сюда их обоих, – тихо проговорила Найтия Ворен. – Наш посол и есть два коня. И только обретя единство, он сможет озвучить свое послание.

– Для этого придется допустить его в Древнюю столицу.

– Мы не сможем избежать того, что действительно произойдет, – ответила женщина.

– Вам понадобится время на его подготовку.

– Полагаю, вы уже обо всем договорились с вашим новым повелителем.

– Вы, как всегда, правы, Натайниш Ворен, – склоняясь в поклоне, уважительно произнес Кейрис. – Уверен, что и вы тоже уже все решили.

Наставник аккуратно опустил чашку на маленький столик справа.

– Возможно, вам будет интересно знать еще кое-что, – произнесла женщина. Она чуть наклонила голову к собеседнику и оттого приобрела заговорщицкий вид. – Через некоторое время вслед за мной, вероятно, придет еще один гость.

Мужчина выпрямился, подав подбородок вперед.

– Вы хотите сказать, что кто-то из чужаков добровольно осмелится вернуться в это место?

– Я хочу сказать, Оркодий Кейрис, что ощутила в одном из членов посольства тот же дух смерти, что и в ваших подопечных. Как показал нам всем аринцил, подобное всегда тянется к подобному.

Оркодий какое-то время внимательно смотрел на собеседницу, а затем молча кивнул.

– Сегодня мы исчерпали то, что хотели сказать, и несказанное тоже. Полагаю, единственное, что осталось нам теперь, – найти друг друга на поле сражения, – после небольшой паузы подвела черту Натайниш Ворен.

* * *

– Простите, но я не вполне понимаю, что она имеет в виду.

Посол Санери выглядел обескураженным тем, что услышал от своего переводчика. Крепкий сон в чудесном воздухе горных лесов прошлой ночью настолько успокоил его сознание, что сейчас он оказался совершенно не готовым к такому повороту событий и лишь ничтожной частью разума по-детски верил, что все дело лишь в неправильном толковании прозвучавшей из уст Онелии Лерис фразы. Впрочем, Унизель Вирандо тут же разрушил эту хрупкую иллюзию:

– Она имеет в виду, энель посол, что Натайниш Ворен покинула обитель и на время ее отсутствия мы можем обсудить все необходимые вопросы с...

– Да понял я! – неожиданно взорвался Санери, но тут же взял себя в руки. – Скажите мне, энель Вирандо, нет, лучше спросите уважаемую Онелию, какого демона Мрака нам сдалось обсуждать все это с ней, если нам нужно попасть к руководству анвиллов? Про демона Мрака можете опустить, – добавил он после короткой паузы.

– Разумеется, – с достоинством ответил Уни. По правде говоря, он и так не знал, как по-вирилански будет «демон». – Онелия Лерис говорит, что она тоже анвилл, так что нет никакой разницы, кому именно мы передадим наше сообщение.

– Да они издеваются! – с подавленной яростью вскипел энель Стифрано. – Если она тоже анвилл, то какого демона Мрака...

– Это уже было, – тихо усмехнулся Уни.

– ...мы плелись по этим треклятым горам, Мрак их поглотит? Чтобы тут ломать комедию, как шуты дешевого бродячего театра?!

– Госпожа Онелия понимает, что порядок событий может показаться нам странным, однако уверяет, что на желаемом нами результате это отразится только в лучшую сторону. – Уни кашлянул, прочистив горло. – Она также добавляет, что сейчас говорит с нами не от своего имени, а от имени всех анвиллов, так что, если у нас есть желание сообщить ей нечто важное, то она... открыта для восприятия.

Члены посольства хмуро переглянулись.

– Видимо, они хотят нас еще и унижить, – тихо, глядя в пол, проворчал Богемо. – Иначе зачем она заставляет нас повторять то, что и так прекрасно знает.

– Это вряд ли, энель Богемо. – Уни все-таки услышал его. – Думаю, здесь все дело в приверженности вириланов неким ритуалам. Энель Санери, – обратился он уже к послу, – если не возражаете, я вкратце повторю ей то, что знаю, включая нашу просьбу.

Посол молча кивнул.

– Мы хотим сообщить, что воины готовятся истребить всех анвиллов, – спокойно глядя Онелии в глаза, сказал Уни. – В обмен на эту важную информацию, полученную из достоверных источников, мы просим вашего содействия в получении аудиенции у императора вириланов.

Целительница почтительно поклонилась членам посольства и чистым, немного певучим голосом произнесла несколько коротких фраз.

– Она сказала, что наша просьба будет исполнена, – перевел Уни.

– Ну наконец-то! – с облегчением выдохнул Санери. – Могу ли я узнать, когда именно?

– Она сказала, что все это произойдет после того, как угроза мятежа воинов будет устранена, ибо в противном случае...

– Да мы поняли! – перебил переводчика Санери. – Похоже, – обратился он к Стифрано, – нам какое-то время придется выждать.

– Я не уверен, энель посол, что все ограничится только этим, – осторожно заметил Уни, продолжая внимать тому, что говорила Онелия.

– Что значит «не ограничится»? – голосом, похожим на туго натянутую струну, осведомился посол. – Прошу напомнить нашей уважаемой собеседнице, что мы дипломатическая миссия, поэтому не имеем права, да и не можем, вмешиваться в их гражданскую войну. Поясните ей, Уни, что дипломаты в принципе не могут кого-либо убивать, равно как и содействовать этому, разве что в целях сохранения собственных жизней.

– Онелия говорит, что от нас не потребуется убивать вириланов. От нас нужна другая помощь. Все мы видели, что воинов теперь ведет Ягуар, этот пришлый аринцил. Вириланы не хотят, чтобы чужак убил кого-либо из них. В их представлении это нарушение гармонии. Поэтому они просят, чтобы перед решающим сражением представитель нашего посольства, тоже не из этой земли, сразился с Ягуаром в ритуальном поединке и таким образом не допустил нарушения равновесия.

Повисла напряженная тишина.

– Они что, с ума сошли? Это неприемлемо! – наконец произнес Санери решительно. – Мы дипломаты и не имеем права сражаться! Ягуар – представитель своего народа, с которым у нас и так сложные отношения. Если кто-то из нас, да еще и официальный представитель императора, будет биться с ним, это незамедлительно приведет к войне!

– Если он останется жив.

– А если нет? Если он выиграет?

– Тогда для нас это уже не будет иметь никакого значения. Аринцилы – враги и герандийцев, и анвиллов. Если анвиллы будут уничтожены, то герандийцы будут следующие. Война, о которой вы говорите, энель посол, уже началась. Аринцилы уже напали на нас. Точнее, готовятся это сделать. Ваше, то есть наше, посольство на острие этой атаки. Поэтому поединок – всего лишь реализация права посольства на самооборону. Онелия просит нас рассматривать это как борьбу за наши жизни.

– Похоже, они не оставляют нам другого выбора, – хмыкнул Стифрано. В отличие от Санери, его скорее радовала, нежели пугала перспектива грядущей схватки. – Энель посол, если мы теперь и правда в одной лодке, я готов биться с этим бешеным аринцилом. А Хардо может заняться подготовкой местного ополчения. Судя по тому, как организована охрана монастыря, у этих анвиллов вообще большие проблемы с боеготовностью.

– Думаю, будет лучше наоборот, – задумчиво произнес Санери, пытаясь мыслить практично, что демонстрировало его принятие новых обстоятельств. – При всем уважении, энель Стифрано, но у Хардо больше военного опыта. К тому же, имея ваш ранг, скакать с мечом перед строем – не самое достойное занятие.

– Ну вы же, энель Санери, очень даже ничего скакали в крепости перед этим аринцилом! – заухмылялся Стифрано.

Посол тонко улыбнулся:

– Ну что же, значит, договорились. Энель Хардо, возражений нет?

Тот невозмутимо пожал плечами: «Командир сказал: „В гроб“, значит – в гроб».

– Замечательно! Энель Вирандо, переведите Онелии, что с Ягуаром сразится начальник охраны посольства, энель Рапурий Хардо. В свою очередь, второй посол Алеций Стифрано готов оказать посильную помощь в обучении анвиллов военному делу.

– Да! Я сделаю из них если не настоящих солдат, то по крайней мере очень жесткое мясо, которое воинам может оказаться не по зубам! – возбужденно заурчал Стифрано. – Спроси эту девочку, сколько у нас есть времени до атаки.

Уни недовольно поморщился, но все же повернулся к Онелии и с расстановкой перевел все изложенное – в максимально корректной, почтительной форме. Целительница внимательно выслушала его и тут же ответила своим плавным, успокаивающим голосом.

Уни, поперхнувшись, зашелся сухим кашлем. Но даже когда приступ прекратился, взгляд его оставался ошалелым и рассеянным. Он о чем-то переспросил Онелию, и та медленно, чуть ли не с улыбкой, кивнула.

– Хм. Что-то не так, энель Вирандо? – тихонько поинтересовался посол. – Они, в смысле она, с чем-то не согласны?

– Она сказала, – срывающимся голосом начал Уни, – что сражаться с аринцилом предстоит мне.

Посол Санери застыл с чуть приоткрытым ртом, а энель Стифрано нервно присвистнул.

– Это что, шутка? – еле слышно спросил энель Богемо. – Его же...

– Ага, в землю вобьют, как сваю, – дал образный прогноз развития событий второй посол.

– Она говорит, – упавшим голосом продолжил Уни, – что это совокупный выбор анвиллов и касты воинов.

– Какой еще выбор?! – вскочил с места Стифрано. – Они же никого из нас толком не знают. С какой стати ты должен идти на верную смерть? Клянусь Светилом, это уже через край! Энель посол, мы не будем в этом участвовать!

Уни смотрел на Онелию жалобным взглядом униженного просителя. Ему казалось, что произошла страшная ошибка и девушка вот-вот спасет его, скажет, что все совсем не так, что он просто неправильно ее понял... Но нет, Онелия смотрела на него с тем же вежливым и потому убийственным спокойствием.

– Но почему я? – прошептал ссохшимися губами Уни. – Я же не воин... Я могу отказаться? Что будет, если я откажусь?

– Это единственный путь к успеху вашего посольства, – сообщила Онелия. – Ответьте себе: чего вы хотите и что готовы сделать ради этого?

– А есть ли кто-то другой, а? Да-да, я понимаю. Я согласен, – как во сне выдавил из себя Уни.

Он не понял, что сейчас произнес и какие будут последствия, но юноша понимал одно: другого ответа он дать просто не мог.

– Подождите-подождите! – собрался с мыслями посол Санери. – Госпожа Онелия, вы сказали «совокупная воля анвиллов и касты воинов»? Но позвольте: откуда вы знаете, что думают воины? Мы ведь только вчера вечером прибыли в эту обитель, а до них – сколько дней пути!

– Найтия Ворен отправилась в крепость воинов, чтобы обо всем договориться, – ответила послу устами Уни Онелия.

– То есть как это отправилась? – оторопел посол. – Она же вернется только через две, ну, ладно, полторы недели. Значит, еще никто ни о чем не договорился. Вы, госпожа Онелия, либо лукавите, да простит меня Пресветлый владыка, либо путаете причину со следствием!

– У нас как раз будут эти две недели, чтобы подготовить Унизеля Вирандо к грядущему поединку, – ответила ему Онелия. – И еще пара недель, пока армия воинов дойдет до стен Древней столицы. Там мы их и встретим. Что касается причины и следствия, уважаемый Санери... – Девушка бросила взгляд на Уни, потом опять на посла. – Вряд ли слова откроют истину, так что просто поверьте: разница между ними иногда бывает гораздо большей иллюзией, чем вы можете себе представить.

– Ладно, – сухо отреагировал посол. Ему явно не хотелось влезать в эту философскую дискуссию. – Энель Стифрано, раз уж такое дело, то, полагаю, вам лучше сперва заняться подготовкой энеля Вирандо. Хотя... А-ах, да чего уж там!

– Ну уж нет! – мгновенно отреагировал Уни, но тут же вернул себе интонацию поприличнее. – Энель посол, энель второй посол однажды меня уже чуть не убил, если вы помните...

– Да какая разница? – цинично прошептал доктор Аслепи. – Вирандо и так покойник! Лучше уж потратить время на тренировку их ополчения...

– Благодарю вас, энель Аслепи! – желчно произнес Уни. Сердце его стремительно забилося, а затылок похолодел, словно юноша вышел с мокрой головой в суровую зимнюю ночь. – Век не забуду вашей доброты!

– А что такого? – легонько наклонившись к послу, пробормотал энель Богемо. – Пусть лучше погибнет один из нас, чем все посольство. Мы ведь тут все степенные, уважаемые люди, а энель Вирандо в сущности...

– Я его обучу! – непреклонно произнес Рапурий Хардо, шагнув вперед и положив массивную ладонь на покатое плечо переводчика. – Сделаю, что смогу. Все, что смогу!

Онелия наблюдала за общением имперцев с аккуратным, вежливым интересом. Заметив это, Уни со стыдом вспомнил о правилах этикета и перевел для нее суть обсуждаемых вопросов.

– Для членов посольства выделен дом в поселении Хоринвейл, недалеко от нашей обители, – произнесла целительница. – Позже вы получите возможность вновь вернуться сюда. Что же касается Унизеля Вирандо, то он останется с нами, пока не будет готов.

– Но вы же не воины! – даже привстал от возбуждения священник Нафази. – Как вы сможете подготовить его к схватке с этим демоном-аринцилом? Я знаю, – патетически затряс он лохматой седой головой, – вы сделаете из него кровавую жертву для своих темных языческих богов!

– Энель Нафази! – с усталым раздражением крикнул Уни. Ему тоже пришла мысль, что все это начинает напоминать древний ритуал, в котором его торжественно, со всеми причитающимися почестями убьет жестокий Ягуар во имя сохранения гармонии и равновесия в извращенном сознании местного населения. И тем не менее юноше было сейчас стыдно за посольского священника, точнее, за непонимание им особенностей текущей ситуации и жалкие попытки повернуть вспять уже развивающиеся события.

– В кои-то веки согласен со служителем Светила, – усмехнулся Стифрано. – Не удивлюсь, если этот Ягуар – один из лучших клинков земли аринцилов. Как вы собираетесь сделать из Уни что-то большее, чем кролика ему на обед? Он же меч-то в руках держать... – второй посол запнулся, вспомнив о схватках в крепости воинов. – Хотя... Мрак его знает! Тут столько всего случилось...

– Вот именно... – шепотом, но очень удовлетворенно, с нажимом произнес торговый посланник. Казалось, будто он сильно переживает, что в последнюю секунду вириланы могут передумать и в роли «жертвы» окажется, не дай сгореть Светило, он сам.

– А вот я полагаю, что все идет, как тому положено! – неожиданно озвучил мысли, которые крутились в голове у Богемо, до того мрачно молчавший, а потому такой незаметный секретарь посольства Гроки. – Если смерть переводчика – та цена, которую нам надо заплатить за успех миссии...

– Энель Гроки, вы вообще понимаете, что говорите? – бархатистым голосом, но несколько раздраженно спросил Нафази. – Если мы лишимся переводчика, то о каком успехе тут вообще можно говорить?

Гроки не успел ответить на реплику священника, поскольку Онелия тихо произнесла несколько фраз:

– Любая техника в поединке есть лишь лодка на водной глади. Без лодки нам трудно плыть, однако без воды плыть просто невозможно. Вода в данном случае – это дух воина, то, что у него внутри. Этому нельзя научить, но это можно разбудить у тех, у кого оно уже есть. Что же касается жертвы... – Онелия сделала паузу, на миг опустив глаза, будто слова

давались ей с трудом. – Когда вы создаете нечто новое, часть старого всегда должна уйти. Жертва, безусловно, будет иметь место, но это совсем не то, о чем сейчас думает каждый из вас.

– Она что, умеет читать мысли? – неудачно попытался пошутить Стифрано, когда члены посольства расходились по своим комнатам. – А ты, брат, держись! – обратился он к Уни, который выглядел потерянным. – Не знаю, что они там собираются с тобой делать, но, клянусь Вратами Утренней зари, не хотел бы я оказаться на твоём месте!

* * *

– Я знаю тебя, – произнес господин Ягуар, глядя на пленника. Это был мужчина в буром плаще, скрывавшем его телосложение.

– Он был среди герандийского посольства, – аккуратно шагнув вперед, деликатно напомнил Оркодий Кейрис.

– Да, – с презрением бросил аринцил. – Он пришел сам?

– Так, господин.

Ягуар перевел взгляд на незваного гостя. Тот был на удивление спокоен, словно его совершенно не интересовала собственная участь.

– Зачем ты здесь?

– Потому что ты один способен понимать меня, – с легкой усмешкой проговорил имперец.

Ответ не очень понравился аринцилу, но он не показал этого ни одним мускулом.

– Ты предатель? – холодно и отстраненно спросил он пленника.

– Я служу своему господину, – пожав плечами, ответил тот.

– И чего же хочет твой господин?

– Мой господин... – имперец сделал многозначительную паузу и продолжил: – ...желает, чтобы посольство потерпело неудачу.

Аринцил задрал мощный нос кверху, отчего стал похож на оскалившегося хищного попугая.

– Мне нет дела до вашего посольства. Очень скоро вы умрете. Все до единого.

– Я думаю, – спокойно произнес пленник, – нет, я знаю, что в первую очередь вы заинтересованы в смерти одного из нас.

Аринцил утробно зарычал: ему уже сложно было сдерживать накопившуюся внутри злобу.

– Это так, – чуть ли не скрипя зубами, произнес он, сохраняя при этом предельно ровную интонацию. На мгновение опустив взгляд, он мрачно посмотрел на Оркодия. Тот шагнул назад и вежливо поклонился.

– Эта глупая затея – оскорбление для меня, но ведь и охотник, ловя крокодила, нанизывает на крюк мяса, а не банан.

– Я могу помочь вам в этом, – глухо, словно в пустоту, продолжил свою мысль имперец. – Ваш противник, мальчишка Вирандо, по уши влюблен в местную целительницу, Онелию... Лерис. Убейте ее, убейте ее у него на глазах, и его дух перед поединком будет сломлен.

Оркодий Кейрис медленно повернул голову в сторону Ягуара.

– Ты думаешь, что способен оскорбить меня более, чем этот нелепый поединок? – вкрадчиво спросил аринцил. Его голос звучал спокойно, но глаза стали мутными, словно под воздействием травы *кангацли*.

– Ты аринцил и знаешь, что даже самые сильные – всего лишь игрушки в руках бога воинской удачи. Твоя репутация будет на кону, а воины не прощают даже самых мелких ошибок. За время нашего посольства я уже несколько раз пытался устранить Уни, но нелепые слу-

чайности все время портили мои планы. Зачем рисковать всем на глазах своих людей, когда можно подготовить победу заранее?

Аринцил оглядел стоящих рядом представителей касты воинов. Они не понимали смысла разговора и всем своим видом демонстрировали сходство с каменными столбами.

– Ты! – обратился Ягуар к наставнику воинов. – Пусть уходит!

Оркодий Кейрис кивком отдал приказ.

– И вслед за ним – все, кроме тебя.

Оставшись одни в огромном зале, наставник и аринцил долго пребывали в полной тишине.

– Ты знаешь такую, Онелию Лерис? – глядя в пустоту, спросил наконец Ягуар.

– Целительница из анвиллов, очень хороша, часто помогает нам, – с готовностью ответил Оркодий Кейрис. – Наши воины относятся к ней с большим уважением.

– Вот как... – задумчиво произнес аринцил, и на его губах заиграла надменная улыбка. – Она лечила раненых и больных и вы благодарны ей за это?

– Именно так, господин, – с поклоном подтвердил Оркодий.

– Прекрасно, – глухо сказал Ягуар. – Я хочу, чтобы вы принесли мне ее голову. Я покажу ее моему противнику перед поединком.

Он бросил на собеседника острый, выжидательный взгляд.

– Мой господин, – произнес Оркодий, умиротворенно принимая взгляд аринцила. – На вашем клинке не может быть изъяна. Я пошлю на задание лучших воинов.

Вернувшись к себе в покои, наставник некоторое время в одиночестве пил чай. Его глаза были задумчивыми и добрыми, что несколько не соответствовало тому образу, который сложился у хорошо знающих его людей. Наконец, с сожалением оторвавшись от своего занятия, он дернул за шелковый шнур, висевший в неприметной боковой нише.

– Вы звали меня, наставник...

Вошел Саймейвин Аферий, двадцатилетний рослый богатырь с большими карими глазами и огромными кулаками. Ближайший доверенный помощник Оркодия и его лучший ученик.

– Присядь, Саймейвин. Хочешь чаю?

– О, благодарю вас, наставник!

Слегка опешивший от такой неожиданной чести, молодой человек осторожно взял чашку двумя руками, почтительно поднес ее ко лбу и только потом сделал два небольших, едва заметных глотка.

Оркодий смотрел на него слегка насупленно, но за этой маской проглядывала странная смесь сомнения и грусти.

– Ты помнишь переводчика из этого... посольства? Белобрысый, небольшого роста?

– Конечно, наставник, – ответил Саймейвин, аккуратно опуская чашку на столик. – Он еще сохранил жизнь этому дурачку Телейцину...

– Да, он самый, – прервал его Оркодий.

– Простите, наставник! – резко вскочил и выпрямился Саймейвин. – Что я должен сделать?

– Взять воинов своего десятка, по три заводные лошади на каждого и ветром скакать в обитель Стройного Ясеня. Там найти этого Унизеля Вирандо...

– Слушаюсь, наставник, я сделаю то, что не смогли следопыты, и убью его!

Оркодий на мгновение прикрыл глаза.

– Нет. Где-то рядом будет целительница Онелия Лерис. Ты прикончишь ее у него на глазах. Не сразу, пусть проникнется этим полностью. Голову принесешь мне.

По лицу Саймейвина пробежала легкая тень, но он тут же решительно ее сбросил.

– Они все равно погибнут, Саймейвин, а так тебе предоставляется возможность лично убить одного из лучших анвиллов.

– Повинуюсь, наставник! Должен ли я убить и Натайниш Ворен, настоятельницу монастыря? И что делать с посольством и другими людьми в обители?

– Твоя цель определена. Больше никого трогать не нужно. Но какой бы приказ тебе ни пришлось выполнять, помни, чему я учил тебя, мальчик. Помни о чести воина!

– Будет сделано, наставник!

После того как Саймейвин вышел, Оркодий еще какое-то время задумчиво смотрел на дверь, маленькими глотками прихлебывая чай. Он очень любил именно этот сорт – букет из сорока редких горных трав. Натайниш Ворен знала об этой его маленькой слабости, и он был благодарен ей за столь приятный маленький знак внимания.

Глава 4. Соргий Квандо решает проблемы

Соргий Квандо медленно шел по проспекту Тысячи Радостей, пытаясь разобраться, что вообще происходит в городе. Обычно многолюдные по вечерам улицы были почти пусты, лавки закрыты, и даже увеселительные заведения прекратили работу. Видимой причины для этого не было, но в воздухе тревожной паутиной настороженных ожиданий висел страх. Его питал отдаленный шум толпы и странный гул, доносившийся со стороны квартала богачей Анпируэрни. От восточных ворот тоже слышались крики – там в основном располагались бедные районы.

«Ох, не нравится мне это!» – подумал Соргий.

Несколько раз мимо него проходили компании подозрительных людей, но предусмотрительно надетая серая рубаха и бурая накидка простолюдина в который раз спасали торговца от возможных проблем.

Небольшая стайка подростков – человек пять-семь – подбежала к воротам явно зажиточного дома и, пугливо озираясь, закидала их тухлыми яйцами. Соргий зажал нос и выругался. Увидев его, молодежь кинулась врассыпную.

«Тоже мне, погромщики!» – усмехнулся тот.

В районе Центрального рынка, куда Соргий направился в первую очередь, было гораздо оживленнее. Народ чем только ни занимался: упражнялся с неизвестно откуда взятым оружием, жег костры, наслаждался едой с выпивкой и просто бойко беседовал на интересные темы: «Чего сидим? Айда по дворам богатеев!», «“Желтых” всех перебили, бояться нечего!» и особенно «Из долговых свитков костер большой соорудить и Дракация на нем сжечь!». Впрочем, дальше тостов дело пока не шло, и вообще, все выглядели мирно. По обрывкам фраз можно было догадаться, что их более решительные собратья сейчас штурмуют Анпируэрни, где засели охраняемые «племянничками» и остатками «желтых» представители знати, но пока не особо успешно.

– Да ты что, нет! – закатив глаза, вальяжно усмехнулся здоровый бородатый мужик в неполном доспехе, снятом, судя по всему, с кого-то из Солнечной стражи. – Верховного дворника здесь давно нет, у нас тут... – мужик задумался, подыскивая нужное слово.

– Резерв? – пришел ему на помощь Соргий.

– Да! – с легким придыханием ответил бородач. – Да-да. Записываться будешь? Давай, у нас тут весело!

– Где мне найти его? – с легким нажимом спросил Квандо.

– Так известно где – в Анпируэрни!

Быстро кивнув, Соргий двинулся прочь. Бородач что-то кричал ему вдогонку, но он уже не слушал.

По мере приближения к богатому кварталу ситуация ухудшалась прямо на глазах. Группа весьма брутальных людей, выбив дверь, ворвалась в магазин украшений Лоно Тимия на первом этаже его дома. Два угрюмых мордovorота с дубинками остались сторожить возле входа. Встретившись с ними взглядами, Соргий вздрогнул, однако тут подошла еще одна свора, вооруженная ножами, палками и даже неким подобием флага на шесте.

– Куда прешь? Занято! – рявкнул на них один из громил.

– Мы «Банда из-под моста»! Тимий нам денег должен! – надменно произнес предводитель вновь прибывших. Он держал короткий изогнутый меч.

– Идите лесом, нас много! – огрызнулся второй громила у входа, оглядываясь через плечо. Но волновала его, судя по всему, не столько возможная схватка с конкурентами, сколько перспектива остаться ни с чем при разделе добычи.

– А может, вон туда? – предложил лидеру знаменосец и ткнул флагом на соседнюю лавку с изображением тканей на вывеске.

– Вперед! – тут же сориентировался тот.

– Ну, скоты! – прошептал Соргий и быстро двинулся дальше. Обычно некроважный, сейчас он стал в красках представлять, как чуть ли не лично обрубают руки этим подонкам. И откуда столько мути повылезало? Они что, душегубов из тюрем выпустили? Не приведи Светило! Но где же тогда власти, где войска и Солнечная стража? Хотя, с другой стороны, город-то большой, сразу везде не поспеешь...

– Эй, стоять! Стоять, тебе говорю, сморчок!

Соргий уже почти дошел на Анпируэрни, когда его перехватила группа одетых в черные плащи и туники бритых людей, вооруженных кинжалами, дубинками и короткими топорами.

– Какой я тебе сморчок, семя осла! – ответил Соргий их предводителю грязным ругательством вуравийских купцов. – Одно мое слово – и Верховный дворник вас на ремни порежет! Ведите немедленно меня к нему!

Мордovorоты аж поперхнулись от неожиданности.

– Верховный дворник? – с приторной улыбкой повторил главарь. – Так ты знаком с ним? Зачем он тебе нужен?

– Он мне как брат! – надменно ответил Соргий. – А сейчас у меня для него ценная информация. Проводите меня сейчас же!

– Конечно-конечно, господин! – спешно поклонился усатый предводитель, а потом вдруг резко ударил Соргия в подбородок. Клацнув зубами, он тряпичной куклой осел на мостовую. Громилы проделали ему сзади через локти длинную палку, подвязали к ней ноги, чтобы не волочились, и быстро понесли добычу через темные переулки.

От сильной боли в плечах маленький вуравиец скоро очнулся и издал протяжный крик, который тут же пресекли вонючей тряпкой. Ощущение чего-то грубого, инородного во рту, пребывающего там помимо твоей воли, настолько шокировало, что Соргий впал в оцепенение.

Его бросили на землю возле обшарпанного дома. Это был уже другой район, но несчастному пленному было не до этого: плечи отдыхают – вот что здорово!

– Так, у нас все уже! – раздался откуда-то сверху грубый голос.

Подняв голову, Соргий увидел, как его похитители обсуждают что-то с предводителем другого такого же отряда.

Из открытой двери напротив раздался женский крик, а потом звук ударов.

– Ну, щас я тебя, тварь!

Разговаривавший с пленившим его громилой человек сделал извинительный жест рукой и, войдя на порог, резко гаркнул внутрь:

– Ты что, охренел, Саделий? Товар мне портить... Давай ее сюда!

Кудрявый, с масляными глазами Саделий выволок из дома за волосы молодую женщину. Та яростно упиралась, бешено мотая головой и хаотично размахивая руками. Человек в кожанке цыкнул языком и покачал головой:

– Ой, дурень... Смотри, как надо!

Враз оказавшись подле женщины, он заломил ей кисть наружу и вlepил наотмашь две звонкие пощечины. Та закачалась, широко раскрыла рот и, громко дыша, застыла с остекленевшими глазами. Ее тут же толкнули к соседней лавке.

Только сейчас Соргий увидел там еще с десяток-другой пленных, судя по одежде – из бедных кварталов.

– В порт нельзя сейчас, – сказал главарь похитивших Соргия людей.

– Да знаю я! – ответил второй. – На склады к Себранию их! Давай!

– Ну ты и развернулся! – засмеялся усатый. – Вместо того чтобы зачищать навозников, их семьи в неволю забираешь!

– Я деловой человек, Фондо! Это навозники на сталь лезут, им терять нечего! Пусть с ними армия разбирается, мне во Мрак еще рано! А вот сделать немножко денежек – это никогда не рано и не поздно!

– Ну так кто же спорит! Слыхал, что мустобримцы говорят? Рабы ближе всех к Богу!

– Нет, рабство – лучший способ познать Бога! – поправил его собеседник, и оба заговорили.

У Соргия все похолодело внутри. Так глупо себя подставить – это надо уметь! Взять и выболтать «племянничкам» про дружбу с Верховным дворником... Как теперь из такого выкрутиться?

– А с этим что?

– Лазутчик навозников. Шел к их главному, собачье дерьмо! На нас стучать!

– О как! Во дворец его надо... Так давай его мне, а ты...

– Ага, разбежался мордой об забор! За него же сотни три запросить можно, если не больше! Приятель он свойский этого «дворника». Нет уж, я сам, спасибо за совет!

Пройти во дворец Дракация Нери, где располагался своего рода штаб городских воротил, оказалось не так уж и сложно. «Дворники» и ведомый ими рабочий люд, не сумев взять квартал богачей с налета, теперь вяло обстреливали позиции «племянничков» у главных ворот камнями, в то время как менее значимые проходы никто блокировать, похоже, и не собирался. Сложилась просто абсурдная ситуация, когда Соргия протасили в Анпируэрни в двадцати шагах от беснующейся толпы, не подозревающей о небольшой решетчатой калитке под изогнутым мостиком через овраг.

Молодой вуравиец и раньше знал, что дворец Нери – это не просто дом, но ему и в голову не могло прийти, что он окажется воистину безразмерным комплексом зданий на огромной территории, кварталом в квартале, по роскоши превосходящим кое-где даже императорские покои. Безумно дорогой турфильской мозаикой была выложена земля между строениями, хотя во многих небедных виллах ее использовали для украшения пола. Прохладный, с приятными ароматами диковинных растений с Южного континента воздух наполняла ненавязчивая, успокаивающая мелодия музыкальных фонтанов. Внутри дворца ноги утопали в пушистых объятиях мустобримских ковров, а отделанные гранитом и разноцветным мрамором коридоры приветствовали картинами и раскрашенными статуями с мягкой подсветкой в зеркальных

нишах. На фоне такого тихого великолепия не верилось, что сейчас кто-то совсем рядом хочет ворваться сюда и залить все кровью.

Но были во дворце и совсем другие помещения. Стены и пол здесь напоминали старую крепость, а запах пота и кожи от спящих туда-сюда вооруженных людей создавал в спертom воздухе отнюдь не праздную атмосферу.

– Это еще кто?

У мускулистого человека на табурете за столом некогда была аккуратная модная стрижка, но теперь его мокрые черные волосы перьями падали на лоб. Он выглядел уставшим и раздраженным.

– О, Фондо кукан с рыбой принес! – хохотнул его помощничек с неприятно выступающим носом, в меховой торгендамской безрукавке на голое тело. Соргий всегда удивлялся этой странной, не поддающейся рациональному объяснению моде, когда в провинции с самым жарким климатом в империи пыхтят, ходят с влажными спинами, глуша амбре дорогими духами, но при этом упорно носят одежду, в которой торги прогуливаются на трескучем морозе.

– Лазутчик навозников! – надменно ответил усаый Фондо, смерив шутника презрительным взглядом.

– Да? – в глазах мускулистого появился слабый огонек удивления. – И что же он хотел разведать? Как вы бедные кварталы грабили, пока навозники наши ворота громили? Какой у вас был приказ?

– Да их там толпа целая, а мои ребятадохнуть не нанимались! – зло ответил Фондо. – Пусть гарнизонные крысы серебро отрабатывают!

Жилы на лбу мускулистого напряглись так, что Соргий приготовился к немедленной расправе над обнаглевшим Фондо. Но, видимо, такие слова звучали здесь сегодня уже не в первый раз. Спрятав лицо в растопыренной пятерне, человек на табурете мелко задрожал, с силой выдохнул, а потом обессиленно произнес:

– Почему решил, что он лазутчик?

– Так сам признался! Говорит, Верховного дворника лично знает и сведения ценные для него имеет! – Фондо презрительно усмехнулся: – Попутал нас с ихними, дурачок!

Соргий попытался сказать что-то в свою защиту, но из-за кляпа получилось невнятное мычание.

– Да вынь ты это! – приказал мускулистый.

– Достопочтимые энели, это большая ошибка! – затараторил Квандо, борясь с волнением и нехваткой воздуха. – Я никакой не лазутчик, а почтенный купец...

Раздался страшный грохот, словно по крыше ударили гигантским молотком. Стены затряслись, и вибрация разом ворвалась внутрь тела пронизывающим кости страхом.

– Мрак вас! – вскочил с места мускулистый и подбежал к узкому окну. Разглядеть он толком, видимо, ничего не смог, отчего снова выругался:

– Чтоб им Светило потроха выжгло! Это что за длань небесная?

– Это тяжелые баллисты, Сарвелий! – произнес незаметно возникший на пороге человек. На нем был стандартный пехотный панцирь из скрепленных кожаными ремнями бронзовых дисков, а в руках он держал яйцевидный шлем с литым украшением из двух водяных драконов на лбу. – Как минимум две штуки. И еще штук пять катапульта, с помощью которых они только что прорвали наши заслоны и ворвались в Анпируэрни.

– Что?! – разом вскрикнули все присутствующие, включая и позабывшего про свой текущий статус Соргия. – Как? А гарнизон? А что со дворцом?

– А откуда, вы думаете, все это добро? – усмехнулся вошедший, плюхаясь на освободившийся табурет и вытягивая ноги. – Метательные машины есть только в арсенале Цитадели. Они там, кстати, и доспехами обзавелись, а про оружие я вообще молчу...

– Но как же так, не может быть! – заскулил пижон в меховой безрукавке, прижимаясь к стене. – Если и гарнизон перебит...

– Или перешел на их сторону, – деловито предположил вошедший, в задумчивости задирая почти сросшиеся густые брови. – Но в любом случае рассчитывать теперь мы можем только на себя.

– Да какого Мрака, Арбаний! – с размаху ударил кулаками по столу мускулистый. – Ты так спокойно говоришь об этом... Почему твои спафарии не остановили их, почему не загнали обратно под телеги? Они же все ветераны, многие в степи служили, с торгами еще воевали...

– Потому что моя задача – охранять патрона и его собственность! – выпятив нижнюю челюсть, пророкотал Арбаний. – Дворец укреплен гораздо лучше, и сюда они не пройдут. А вот в том, чем занимались твои «племяннички» вместо того, чтобы ударить навозникам в тыл, патрон будет разбираться лично, я позабочусь!

Сарвелий прикрыл глаза и глухо зарычал.

– Если так верно служишь нашему господину, то почему же ты до сих пор здесь, а не подле него?! – вцепившись взглядом в точку на каменной стене, прокричал он.

Арбаний ухмыльнулся и развязно хлебнул пива из стоящей на столе кружки.

– Ну и гадость вы тут пьете! – сказал он, демонстративно поморщившись, затем, словно нехотя, поднялся со стула и не торопясь вышел за дверь.

– Соберите всех наших, а я к энелю Сиарфо! – приказал оставшимся мускулистый.

– А, не трудись! – глухо раздался из коридора голос Арбания. – Патрон в провинцию его услад, через подземный ход. Людишек набрать и с тылу навозникам ударить. Вот тогда и мы малость подсобим... Хотя нет, иди-иди, ты еще сможешь его догнать. Все равно от тебя здесь уже никакого толку. – Он рассмеялся.

– Энель Сарвелий! – вклинился в разговор Соргий. – Прошу прощения, что прерываю, но я никакой не шпион! Меня зовут...

– Да врет он все! – Фондо больно заломал пленнику руку и прижал лицом к стене. – У него ценные сведения для их главного ублюдка! Хочешь, я его сам допрошу?

– Ты будешь делать то, что я говорю! – в очередной раз взорвался мускулистый. – Совсем башка спеклась, что ли? Мы должны сделать вылазку и оправдаться в глазах хозяина!

– А если у него ценные сведения?

– Да нет у меня никаких сведений! – прохрипел прижатый к стене Соргий. – За меня «дядюшка» Кошти поручиться сможет!

– «Дядюшку» Кошти не видели здесь с самого начала событий, что уже подозрительно, – прищурился Сарвелий.

– Во! – оживился Фондо. – Давай я ему башку петлей сдавлю? Вмиг все расскажет.

Сарвелий поморщился, но потом бросил:

– Только быстро!

У Соргия все похолодело внутри. Его вмиг переместили на пол, придавили ноги, а Фондо, накинув ему на голову веревочное кольцо, продел туда палку и стал проворачивать, как вóрот на катапульте. Тут желудок Соргия не выдержал и несколько раз выстрелил вонючими спазмами.

– Сучья кровь, он облевал меня! – заверещал носатый, стряхивая рыбку энеля Турвия со своей меховой безрукавки. – Я убью его!

– Сидеть, Мрак тебя! – заорал на него Фондо и еще раз крутанул петлю.

Глаза Соргия чуть не выпрыгнули из орбит. И интуитивно он выбрал ту манеру поведения, которая отличает обделенных силой, но не хитростью людей: жутко выпучил глаза, завращал ими в разные стороны, вывалил язык и захрипел, словно умирающий.

– Да стой, стой, тебе говорю! Хватит! – за плечи оттащил палача Сарвелий. – Так у него крыша съедет, и какой в нем тогда прок? Давай на сваи его, сам все расскажет!

Выдохнувший было с облегчением Соргий весь сжался, решив, что речь идет о новой попытке. Тем более что одетый в пахучую кожу громила отконвоировал его в подвальное помещение, а ведь где, как не в подземельях, обычно мучают несчастных пленников, чтобы их истощенные вопли не беспокоили солидных господ?

– Стоять! – грубо схватил его сзади за связанные руки стражник, так, что молодой вурлавец по инерции дернулся подбородком вперед, чуть не вывихнув себе плечи. Пока он приходил в себя, дверь в очередное помещение непривычно упала вперед, словно ее с шумом вышибли из петель.

– Вперед! Давай! Стоять! – словно кидал его тело конвоир. – Под ноги смотри, если жить хочешь.

Уходя, он поднял за собой эту странную дверь, больше похожую на подъемный мост. Соргий вздохнул – глубоко и прерывисто, как человек с тонкой душевной организацией. Откуда этот чудовищный запах? Стараясь дышать через рот, плененный коммерсант осмотрелся. Помещение было на удивление просторным, как площадка для прыжков в гимназии, и освещалось слабыми огоньками «бесконечных» ламп, питаемых маслом из скрытой в стене большой цистерны. Он уже собрался было шагнуть, но вовремя вспомнил последний совет охранника и тут же замер. Мрак глубинный! Он стоял на узкой, диаметром в локоть, деревянной свае!

Прикрыв глаза, Соргий попытался сконцентрироваться и унять бешеное сердцебиение, а потом медленно, стараясь не смотреть вниз, опустился на корточки. Так, уже что-то! А теперь медленно открываем глаза... Да, полностью, до конца... Опускаем голову... Нет! О-о-ох... Сваи, высотой в три человеческих роста, тут повсюду. Между ними пустота не меньше сажени шириной, а внизу, внизу... уф... острые деревянные колья.

Соргий вновь на мгновение закрыл глаза. Он провел ладонью по лицу, вытирая холодный пот. Так, главное, что прямо сейчас все нормально, вот чтобы немедленно – так никто его мучить не будет. Слабое утешение, но пока сойдет. Ой, что это?

Тишину помещения нарушил слабый, но мучительный стон. Отражаясь от каменных стен, он связкой рыболовных крючков прошелся по внутренностям, заставив вздрогнуть. Вот, опять!

Соргий уловил слабое дуновение ветра за спиной. Смешно переступая и держась пальцами за край своего столба, он сумел повернуться. К нему приближалась тень. Удивительно ловко она скакала по сваям, он бы так не смог. Да и любой человек, наверное, тоже.

Тело пробрала мелкая дрожь, спина стала мокрой, словно ее окатили из ведра. В детстве он слышал легенды о пещерных тенях-кровососах – неужели это было правдой? Даже убежать нельзя; неужто – все?

– Привет, Сори́к, это ты?.. Да, теперь вижу. Кто бы мог подумать? Издалека смотрю: вроде похож, но здесь такой слабый свет...

– О-оф! – Из Соргия с шумом вышел, казалось, почти весь воздух. – Да как это? Это не видение, не призрак, а... что?

– Да вроде я, – невинно пожала плечами медноволосая Фения. Она с беспечным видом уже сидела на соседней свае, болтая ногами. – А ты что? Только попал сюда, а уже призраки мерещатся? Ой, плохо дело, долго не протянешь!

– Да не видно в темноте, ну и... стоны эти!

– А-а-а, так это компаньон мой сорвался. Видал, что там? Вот-вот. Но упал неудачно: остался жив – и теперь вот помирает в муках. Уши от этих стонов вянут, но приходится терпеть, увы.

– Компаньон?

– Ага, по несчастью. Нет, мы сначала на троих сидели, но первый вообще буйный был. Пришлось от него побегать, пока он сам не рухнул. А этот – Вармий его звать. Вишь, как над-

рывается! Его приказчик Дракация с земли согнал, а «племяннички» еще и ребра пересчитали. Так он пришел к патрону за справедливостью, дурачок. Но какой живучий оказался, а! Сколько сижу здесь – точно не помню, но он тут уже целую вечность стонет. Сначала жалела его, а сейчас пусть бы подход уж скорей!

Слушая болтовню девушки, Соргий несколько раз тряс головой, словно пытаюсь то ли вспомнить что, то ли лучше понять, что она говорит.

– Это все прелестно, – наконец пробормотал он, покусывая губы. – Я, признаюсь, хотел тебя снова увидеть, но...

– Вот и я о том же! – всплеснула руками Фения. – Ты-то здесь как оказался?

– Я? Да вы что, сговорились все, что ли? – искренне возмутился Соргий. – Это, Мрак, мой город, мой! Что вы сюда все сбежались, словно здесь медом намазано?

– А-а-а! – скептически закивала Фения. Она подняла правую ногу и, поставив ступню на сваю, положила подбородок на колено. – Смотрю, рад ты мне просто до безумия! Кстати, если не хочешь составить компанию бедному Вармию, опусти ноги. Онемеют – грохнешься и стонать будешь не хуже него!

Серdito сопя, Соргий последовал ее совету. Действия эти представляли собой несомненную опасность, но показывать страх перед девушкой, к тому же легко порхающей туда-сюда, ему не хотелось.

– Не понимаю, отчего он сорвался, – пробормотал молодой купец. – Ну, неудобно, да, но сидеть вполне можно. А ты вообще вон летаешь, как унфимская сойка!

– Ой, ну ты шутник! – рассмеялась Фения, кокетливо склонив головку. – А про сон забыл? Человеку спать нужно! Вот и попробуй тут заснуть и не свалиться на эти жуткие колья!

– Нет, ну не знаю, свернуться как-нибудь... – бурча, стал было рассуждать Соргий. – Ты же не такая большая все-таки, не индрикодон из Унгуру какой-нибудь...

Фения захохотала:

– Какой ты забавный! Мне таких комплиментов еще никто не делал.

– А что ты все смеешься, Тьма тебя поглотит! – неожиданно взорвался Соргий. До него постепенно начала доходить вся драматичность положения, в котором они оказались. В голове стали возникать картины безуспешной борьбы со сном, затуманенного усталостью разума, которому через несколько дней будет уже все равно, где вздремнуть – в постели или на кольях, лишь бы все прекратить...

– У-ух! – Соргий резко поморщился и помотал головой, отгоняя пропитанные смертью прогнозы ближайшего будущего. Он сел так же, как Фения, и сосредоточился, пытаюсь все осмыслить. – Но они же не будут держать нас здесь вечно? Это ведь такая пыточная, только очень необычная и... страшная! Что может быть хуже, когда ты сам, твои естественные потребности и позывы – причина твоих же страданий? Какая изощренная фантазия в том, чтобы заставлять пленников мучить самих себя! Тут и что не знаешь – расскажешь!

– Так они и рассказывали, – кивнула вниз Фения. – Вопили, что сознаются в чем угодно. Но, видимо, сейчас у головорезов Дракация полно другой работы.

– Сколько ты тут сидишь? – поинтересовался Соргий. – Ты знаешь, что в городе бунт против знати и богатых купцов? Помнишь Дага Вандея, ну, он еще в «Рыбке» был, когда Уни провожали? Вот он все и замутил. Но только, выжги Светило мои глаза, до сих пор понять не могу, как ему удалось поднять такую бучу?

– А, этот-то? Все время мрачный, словно семью схоронил? Да, не люблю таких. Жизнь и так нелегка, а если еще и печальную морду держать... Но я ведь, честно говоря, о больших делах думаю в последнюю очередь. Помыкалась сперва по всяким городишкам, но, я тебе скажу, после столицы везде что-то не то кажется. Ну а что может хотя бы отдаленно с ней сравниться? Жемчужина Юга, само собой! Так я и оказалась здесь. Роскошный город, денег

много, но их ведь еще взять надо! А что я умею? Или воровать, или... – Фения, опустив глаза, смущенно пожала плечами.

– За старое принялась, – с упреком констатировал Соргий. – Завлекать мужчин, опаивать их и очищать карманы?

Фения молча вздохнула и закатила глаза.

– А ко мне прийти не могла? Мы же все-таки через столько всего вместе прошли... Я бы тебе работу нашел по старой дружбе.

Девушка вся съежилась, ее слегка передернуло, а губы задрожали, будто она сейчас заплачет.

– Спасибо, Сорик, но... не надо. Я должна сама, понимаешь?

– Ага, понимаю! Ну и много ты тут сама наиграла, «актриса»? Это тебе не Энтеверия, где через дом друг друга не знают. Вуравия – земля кланов и гибкой морали! Думала, постесняются рассказать, как их левая девка обставила? Как бы не так! Для вуравийца дороже денег только семья, но и в ней он полноправный господин, а многие вообще легально содержат гетер и любовниц при живой жене!

– Да знаю я все, – вяло отмахнулась Фения. – Теперь.

– Серьезного кого обобрала, что сюда кинули?

– Карнахия Эро, будь он неладен.

– Что?! Секретаря самого Дракация Нери?

– А я знала? Он ведь не представился, что, кстати, странно: обычно они все прямо-таки кичатся высоким положением! Ну и документ у него с собой был, огромной важности! Я его, правда, в глаза не видела, но они отчего-то уверены, что это я его умыкнула и припрятала.

– Ну дела! – покрутил головой Соргий и запустил пятерню в свои темные волосы. – Вообще-то бедняга Эро за такое должен был сам составить тебе компанию!

– Судьба этого угря голохвостого меня вообще не интересует! Нам надо отсюда выбираться, и как можно скорее. Не скрою, я очень удивилась, увидев тебя здесь, но и обрадовалась. Если здесь Сорик, то с его связями мы быстро выйдем на свободу!

– Ну извини, подруга, – смущенно опустил взгляд и заерзал на своей свае Соргий. – Похоже, что не в этот раз.

Он коротко рассказал историю своего появления в этой необычной тюрьме.

– Понятно, – разочарованно отозвалась Фения. – Знакомства твои не помогут, песики Нери с «дворниками» воют, а нам – подышать тут на этих мерзких кольях? И зачем тебя только принесло! Нет ничего хуже, чем убить новорожденную надежду!

– Зато мы вместе! – попытался подбодрить ее Соргий и потом понял, как это глупо звучит в сложившихся обстоятельствах. – Я имел в виду, что вдвоем мы обязательно что-нибудь придумаем!

– Смотрите, какой умный! – раздраженно бросила Фения. – Чтобы придумать, надо знать. А что ты знаешь, если даже со сваи на сваю прыгнуть не можешь? Да я тут все обпрыгала – нет тут никакого выхода, никакой лазейки, чтобы сбежать! Нету, понял, идиот?! – Она заплакала и уткнулась в согнутое колено.

Глава 5. Дело для Южного флота

Пятая! – выбравшись из глубоких раздумий, решительно произнес Савений Зотари, комит эпибатов тетреры «Ветер зари». – Пятая волна накроет твои ноги!

Вордий Онато, разлегшись прямо на вечернем, но еще теплом песочке на берегу моря Туманов, только усмехнулся и пошевелил пальцами в плетеных сандалиях.

– ...три, четыре, пять... Мрак тебе в очи, опять не дошла!

– Давай, Сави, давай, родной!

– Не буду! Мне завтра построение проводить!

– Всем построение... Проиграл – пей!

И Вордий, отдавая дань пагубной привычке, с невозмутимым видом наполнил глиняный бокал с потрескавшимися краями. Савений застонал, но выпил. Это было молодое деревенское вино, конфискованное у нерасторопных бойцов, которые сами реквизировали его у местных крестьян.

– Все, я все! – пробурчал Савений и упал на спину. – Ой, какие звездочки!

– А у вас в Кзулхе что, другие?

– А у нас горы, горы... леса, а потом опять горы! Приезжай к нам осенью – zalюбуешься!

Листва – что цвета радуги...

– Ага, – задумчиво бросил Вордий, отправляя в рот горсть оливок. С горчинкой, но под вино – то, что надо. «У меня в последнее время и так слишком много странствий», – подумал он.

Словно читая его мысли, Савений, лежа на песке, повернул голову и спросил:

– Я вот одного не пойму, Вори́к. Ты же вроде по должности заместитель эне́ля Хелси. На маневрах вон как шибко командовал! Что же тебя до сих пор так и не назначили официально?

Вордий хмыкнул, сложил губы трубочкой и смачно плюнул косточкой в море. Волна лизнула ее и унесла прочь.

– Да мне все равно, Сави. Что толку в этой должности, если я на флоте пока – что карась на берегу? Вот опыта поднаберусь...

– О, так ты правильный, значит? Поклон! Только что же тебя такого правильного из гвардии выперли?

– Что, так прям и говорят, что выперли?

– Кто говорит?

– Но вот только не гляди на меня, словно я второе солнце! Да на каждом корабле, поди, болтают про «хлыща из столицы»!

Савений отрывисто загоготал, широко раскрыв рот в черное небо.

– Ну да.

– А еще что?

– Что ты из солидной семьи, папаша – герой обороны Усепа от торгских полчищ. Что он пожалован самим императором мечом с золотыми дисками, протолкнул сына в гвардию, но тот оказался страшным бабником: обесчестил дочь крупного чиновника из дворца...

Вордий крепко зажмурился и залился смехом.

– Она моя невеста! – произнес он пьяным голосом.

– Правда? – живо приподнялся на локте Савений. – Красивая?

– У тебя такой точно не будет!

– Да ладно! – И в Вордия полетела горсть песка. Тот вяло уклонился. – А был бы замом, дали бы домик с садом в Иллиресе, и лежал бы сейчас не со мной на мокром песке, а на пуховых перинах с...

– Дудело закрой! – И песок полетел в ответ.

– Не, ну я, конечно, понимаю, – заплетающимся языком продолжал Савений, отряхивая короткие русые волосы. – Не могли бывшего гвардейца на простой корабль кинуть. По рангу не положено! – Он закрыл глаза и, с силой выдохнув, продолжил: – Хороший ты парень, Вордий Онато, но не любят тебя здесь, как ни пляши. Да и годами не вышел, чтоб тебе замкомандующего дать. Ты вот представь: человек служил двадцать лет на флоте, с пиратами на островах бился, авторитет зарабатывал, от корабля к кораблю шел, как по abordажному мостику, и тут – бац! Пришел такой красивый из гвардии – и сразу на замкома! Нет, энель наварх такие штуки прекрасно знает! – Савений наставительно выставил вверх палец. – Побудешь пока простым командиром... Слушай! А может, тебя за энелем навархом следить приставили, а?

Вордий искоса глянул на собеседника и хмыкнул:

– Об этом тоже говорят?

– Нет, это мои личные, и-ик, соображения.

– Ну, если бы приставили, я бы давно уже написал в столицу про все творящиеся здесь безобразия.

– Ты о чем?

– О том, что треть кораблей в ремонте, если по документам. Только вот доки ремонтные пустые стоят; деньги на ремонт выделяются, а кораблей нет ни на бумаге, ни в жизни. Или о том, что солдат сдают на работы в богатые усадьбы. Вон пару недель назад появился один, предложил мне отпустить три дюжины моих поработать.

– Ну а ты?

– Летать поучил – от моего сапога до ворот лагеря.

– Ну и дурак! Деньжат бы срубил, особо не напрягаясь. Все знают, что корабли все наварха, он их купцам сдает для перевозки грузов. Но эпибаты – это наш хлеб, братишка! Не у тебя – у другого найдет, у кого лимит не исчерпан. Обычно, если не больше трети из подразделения отпускать, командование глаза закрывает, но и больше можно. Главное, в конце месяца «подарочек» не забыть сделать, а то у нас тут все очень четко отслеживается!

– То-то я смотрю, у тебя неполный состав, Сави. Ну что же, благодарю за науку. Только если война начнется, не взыщи, коли тебе в одиночку драться придется!

Савений со смехом покачал головой:

– Ой, ну что ты мне волну гонишь? С кем война? С аринцилами? Да они вовек договориться не смогут, каждый дом первым быть желает! Мустобримцы погрязли в выяснении, кто

ихнего бога лучше понимает. Ну а торги... Ты же сам знаешь: прошли те времена, когда их ладьи опустошали капоштийский берег!

– А маневры эти тогда зачем? Зачем нас погнали вдаль от базы в капоштийские воды? Воздухом подышать?

– Да это все борьба с пиратством! «Дети звезд» сами разбоем и занимаются, грабят друг дружку, а товар потом на рынках городов союза всплывает! Капоштийцам ведь по договору с империей запрещено держать военный флот и вообще войска – мы их защищать должны! Так они военные корабли все равно строят, только держат их на тайных базах на островах; они и есть «пиратские». Ну и города их меж собой грызутся – так это вроде как пираты друг друга режут, не придерешься. А раз есть угроза, то формально мы обязаны вмешиваться. Поэтому строго раз в год энель наварх проводит аукцион среди заинтересованных городов. Кто меньше всех даст, того и мочим. Нет, то есть жизнями все равно недосуг рисковать, так что просто выходим в море и проводим маневры аккурат напротив баз оплаченного противника. Те обычно сразу сматываются, им ведь тоже жить хочется, а плательщик занимает их место. А на следующий год все наоборот может быть, главное – плати денежку!

– Очень мило, – презрительно скривился Вордий. – Но как ты объяснишь тогда, что крайние маневры были ровно три месяца назад, когда я только прибыл?

Савений посмотрел на него в искренней задумчивости.

– А вот как это объяснить, я не знаю. Наверное, я еще недостаточно пьян... – и он потянулся нетвердой рукой к кувшину.

Вдруг откуда-то со стороны раздался мелодичный колокольный звон.

– О, вроде наша! – узнал флотскую склянку Вордий. – Они там что, совсем перепились? Общий сбор посреди ночи!

– Да в темноте, небось, кто-то зацепил, – лениво зевнул Савений. – Забудь вообще! – И он, свернувшись калачиком, что-то заурчал под нос.

– Зря ты это: песок ночью холодный, застудишь чего, – пробормотал Вордий

Неожиданно из-за холма выскочила пара человек с факелами.

– Мунарий, Сизи, чего вам надо? – вырвалось у комита Онато, хотя интуиция уже давно подсказала ему очевидный ответ.

– Начальствующие энели, боевая тревога! – чуть ли не хором ответили оба денщика. – Энель наварх велел всех разыскать!

– Пшли вон! – не поворачиваясь, едва различимо буркнул полусонный Савений. – Я буду спать здесь! Скажите, что не нашли...

– Давай вставай! – энергично хлопнул его по плечу Вордий. У него возникло очень нехорошее предчувствие.

Ночное построение на берегу моря само по себе было весьма эффектным зрелищем. В дрожащем свете походных масляных ламп щиты и шлемы эпибатов отдавали загадочным и одновременно пугающим блеском. Быстро найдя своих, Вордий занял место под *игни солума* – символом подразделения – и кивнул подчиненным. Судя по их лицам, те тоже успели расслабиться после завершения учений.

– Ну почему этот старый осел так ненавидит, когда другим хорошо? – во весь голос осведомился стоящий в паре десятков шагов Савений.

Бойцы вокруг заметно оживились. Все знали про отвязный язык хмельного комита с «Ветра зари», равно как и про ненависть наварха к вину в абсолютно любых количествах. И если раньше скупавшие на пляже эпибаты и моряки просто тихонько проклинали командующего за предполагаемую ночную проверку дисциплины, то теперь все приготовились к увлекательному зрелищу под названием «преступление и наказание пьяницы».

Однако этим ожиданиям не суждено было сбыться. На площадку перед строем стремительно – для своих шестидесяти двух лет – вышел наварх Южного флота энель Энритель Нарзи.

Его способность всегда сохранять прямую осанку и то спокойное достоинство, с которым он нес над землей свою седую шевелюру, магически компенсировали не слишком высокий рост. За ним, как всегда погруженный в себя, размашисто вышагивали Сабурий Хелси – командир всей морской пехоты флота – и другие офицеры штаба.

На Савения наварх даже не взглянул, хотя не мог не слышать его непростительных оскорблений. У энеля Нарзи вообще была репутация человека, который никогда ни на кого не злится и которого ничем невозможно смутить. Рассказывали, что во время войны с торгами их ладьи ночью подкрались к имперскому флоту и попытались взять на абордаж его корабль. Один из налетчиков ворвался прямо в каюту, где энель Нарзи – тогда еще просто капитан – изволил принимать пищу. Впрочем, это не помешало ему вовремя уклониться от боевого топора, который вонзился прямо в деревянную спинку кресла, мгновенно выдернуть его и молниеносно вернуть прямо в лоб владельцу. Своему спафария, появившемуся мгновением позже в дверях, он спокойно протянул пустую тарелку, а потом указал глазами на мертвого торго: «Это тоже можно забрать». Неудивительно, что на флоте его любили и с опасением ждали отставки по выслуге лет.

– Энели офицеры, моряки и эпибаты, наварх перед строем! – гаркнул рослый спафарий и с силой воткнул в песок копье с командирским вымпелом. Личный состав Южного флота, лязгнув вооружением, вытянулся по стойке смирно. В наступившей тишине на ветру низко гудели знамена и срывались языки пламени масляных светильников.

Командующий медленно обвел взглядом стоящих перед ним людей. На миг Вордий увидел не героя войны, а дряхлого дедушку, готового согнуться под тяжестью уже неподъемной для него ноши. Но это видение пропало так же быстро, как и появилось. Энель наварх медленно вынул из-под синего плаща свиток с желтой печатью, развернул его и стал читать:

– «Город Тампритэнса, столица провинции Вуравия, во власти мятежников. Всюду грабежи, убийства и пожары. Силы правопорядка и местные войска уничтожены либо бессильны. Угроза миру и спокойствию нашей державы чрезвычайна и должна быть устранена в кратчайшие сроки. Южный флот закален в боях и ближе всех от места беспорядков. Приказываю: идти до Тампритэнсы водным путем, высадить войска, уничтожить или пленить бунтовщиков, навести порядок в городе, всемерно содействовать населению припасами, помощью и заботой». Подпись: «Наместник Небесного владыки на земле, Верховный главнокомандующий армией, флотом и союзными войсками, император Герандии Кергений».

Наварх свернул документ, передал его стоящему рядом офицеру, а затем снова внимательно оглядел строй. Перед ним, казалось, были уже совсем другие люди. Вместо сонливости пришло возбуждение, а вместо недовольства ночной побудкой – тревога. Каждый сейчас пытался достроить в голове картину происходящего. Какие мятежники? Почему? Как такое вообще могло случиться? Все эти вопросы носились в воздухе вокруг личного состава.

– Это пока все, что известно, – пробормотал уже значительно тише энель Нарзи, обращаясь то ли к окружавшим его офицерам, то ли к самому себе. – Совещание штаба и составление плана кампании – на месте после доразведки. Воду и припасы берем в Бире у капоштийцев.

Он посмотрел на спафария и кивнул. Тот три раза потряхнул вымпелом – заиграли трубы, а барабанный бой стал расходиться по пляжу гулкими вибрациями. Со всех сторон зазвучали приказания:

– Кормчие – к румпелю, лоцманы – на нос! Гребцы – за весла, мачтовые – на паруса! Гортаторы – темп низкий! К берегу на минимальную глубину! Шлюпки – спустить! К приему эпибатов – ...товсь!

– Энель Хелси! – твердо произнес наварх. Командир морской пехоты шагнул вперед и мягко вытянулся во фронт. – Грузите бойцов на корабли. И да не оставит нас милосердное Светило своими согревающими лучами!

Глава 6. Прилежный ученик

И это все? – спросил Уни с холодной усмешкой.

После того как Онелия Лерис так бессердечно бросила его грудью на меч аринцила, он решил в корне изменить свое отношение к этой вириланке. Конечно, в глубине души юноша еще верил, что все происходящее – некий хитрый план анвиллов и умирать ему на самом деле не придется. Возможно, будь Уни не таким законченным идеалистом, он бы давно сошел с ума от ожидания скорой и бессмысленной гибели, однако собственные фантазии и детская вера в счастливый конец хранили его разум от столь фатального потрясения.

– Да, – просто ответила целительница.

Уни неопределенно хмыкнул и нервно пожал плечами. Он ожидал изнурительных тренировок с вириланским мечом в уютных залах с «деревянными злодеями», которых со временем должен сменить какой-нибудь убеленный сединами анвиллский наставник. Однако меча Уни так и не дали, даже тренировочного. Вместо этого нужно было найти в горах некий храм Пяти стихий и до темноты вернуться обратно.

– И далеко до него, позвольте узнать? – осведомился Уни, демонстративно не глядя на Онелию.

– Не очень. Это зависит от того, какие единицы измерения вы используете, – ответила целительница.

«Воистину, вириланцы никогда не лгут, но понять их правду почти невозможно», – подумал Уни и тронулся в путь. Из одежды на нем были набедренная повязка, коричневый балахон с капюшоном и плетеные соломенные сандалии. Онелия предложила взять их столько, сколько душе угодно, но юноша, пристально посмотрев на вириланку, ограничился всего одной парой. «Сама пусть в таком ходит!» – подумал Уни. Наполнив водой кожаную флягу, он положил в заплечный мешок грубые хлебные галеты и много сушеного мяса. Довершил сборы крепкий дубовый посох, который теперь равномерно с глухим стуком тыкался в каменистую почву. «В случае чего и от зверя дикого отбиться смогу», – подумал Уни и покрутил посох в руках. Тяжеловато, однако. Может, побольше инерции? Коварная деревяшка, сперва закрутившись лихо, затем вышла из подчинения и подлю ударила своего хозяина сперва по голове, а потом по колену.

– Тыфу, Мрак тебя поглотит! – заорал Уни, причем не только от боли, но и от обиды. Он в ярости несколько раз топнул по лежащему посоху, забыв, что его нынешняя обувь без жесткой подошвы. Теперь в компанию болезненных частей тела добавилась и правая ступня. Зашипев от досады, переводчик схватил посох и с размаху грохнул им по беспечно отдыхающему у дороги валуну. Дерево оказалось крепким и не сломалось, зато Уни теперь интенсивно массировал кисть, от которой только что чуть не оторвался большой палец.

«Мерзкое полено! – подумал Уни. – Но крепкое. Ладно-ладно, не злись на меня!»

Он аккуратно подобрал посох левой рукой, но потом подумал, что тот может воспринять это как знак неуважения. Вздыхнув, юноша взял его обеими руками и обреченно продолжил путь.

«Знать бы еще, зачем мне вообще нужен этот храм?..» Когда Уни задал этот вопрос Онелии, та ответила, что он все узнает в конце своего путешествия. «Ну и где этот конец-то?»

Очертания дороги становились все зыбче, пока совсем не исчезли. Добрая Онелия, правда, рассказала ему о неких алтарях, которые укажут верное направление. Однако взамен в каждом из них нужно будет оставить... «Что там у меня в поясной суме?»

Уни остановился и вытряхнул на ладонь маленькие деревянные фишки. На каждой был изображен знак, коих переводчик насчитал всего пять: Воды, Огня, Дерева, Земли и... Ну да, топор, должно быть, обозначает Металл. Как есть, Пять стихий. И вот эти вот стихии нужно будет разложить по всем ста восьми алтарям, забрав оттуда такие же фишки, оставленные ранее. Оставленные кем? Не суть важно. Важно, что оставить нужно фишку той стихии, которая побеждает стихию, уже лежащую в алтаре. Ну, это просто. Огонь побеждает Металл, Металл побеждает Дерево, Дерево побеждает Землю, Земля побеждает Воду, ну а Вода, естественно, заливают Огонь. Прекрасно. Вот и первый алтарь.

Это был невысокий деревянный столб с небольшим ящиком на вершине. В дальнейшем Уни встречал алтари из камня, керамики и даже земли, но у всех было небольшое отверстие, в глубине которого лежали фишки. Их извлечение и замена занимали совсем немного времени, однако сама эта ритуальная беготня стала раздражать Уни уже после полудня. Сначала он аккуратно считал алтари, но после двадцать восьмого сбился. Как назло, открытое солнце в небе беспощадно изгалялось над своим пленником, плавя мозги и лишая воли к сопротивлению. И если поначалу окрестные красоты вызывали вполне живой интерес, то уже очень скоро у переводчика было только одно желание – чтобы все они провалились поглубже вместе со своими фишками и алтарями.

«Хоть бы схему какую дали!» – возмутился про себя Уни. Если бы алтари были равномерно распределены вдоль некой тропы, то жизнь была бы значительно прекраснее. Однако тропа то обрывалась, то начиналась снова в самых неожиданных местах, рассыпалась извилистыми ответвлениями, а по мере продвижения вверх – вообще терялась в нагромождении камней, перегораживающих проход. Алтари оказывались в самых неожиданных местах, обнаружение которых требовало той наблюдательности и концентрации, которые часто напрочь отсутствуют у городских жителей. Уни несколько раз останавливался перекусить; он сжевал изрядную часть мяса и почти полностью осушил флягу с водой. «Ничего, я могу долго не пить», – утешал он себя, однако жажда все равно очень скоро стала давать о себе знать. Теперь вдобавок к алтарям Уни искал еще и родники с водой или хотя бы какой горный ручей с ледяной, весело бегущей по камням влагой. Но нет, ничего подобного не было и в помине. Солнце уже медленно клонилось к закату, а алтарей, судя по всему, оставалось еще искать и искать.

«Ну и что мне теперь делать?» – беспомощно озирался вокруг Уни. Не найдя ответа, он стал аккуратно выдирать волоски из бровей. «Вернуться к Онелии и сказать, что провалил задание? Пустяковое задание! Мда. А зачем вообще все это надо? Какая польза для будущего поединка? Что я, драться лучше стану?»

Уни вспомнил про предстоящую схватку и похолодел. «А может, сбежать, а? А что, вот уйду в горы и стану отшельником. Худым, оборванным, с длинной седой бородой и горящими, безумными глазами. Или нет, глазами, полными глубинной мудрости и спокойствия... Ладно, хорош выдумывать, делать-то что?»

– Я и не рассчитывала, что вы справитесь с заданием с первого раза, – произнесла Онелия Лерис, вежливо выслушав его сбивчивые объяснения. – Позвольте осведомиться: вы вернули старые фишки в алтари?

– Что?! – не смог сдержать возмущения Уни. – Да я вообще не помню, что куда клал... То есть, простите, а это имеет значение?

– Значение имеет все, что вы делаете... или не делаете. Вы знаете, какие именно фишки вы забрали из алтарей?

– Да! – с облегчением вздохнул Уни. – Я ведь должен передать их вам? Насколько понимаю, так вы сможете проконтролировать меня. Вероятно, на каждой из них есть особые отметки...

– Я не могу контролировать вас, а тем более заставить делать то, что вы не хотите.

– То есть как? Получается, если я правильно понял... Я могу вообще не искать эти алтари, а сразу идти в храм?

– Да.

– И вы никак не сможете мне помешать?

– Никак.

Они замолчали.

– Понимаете, Уни, – тихо произнесла Онелия, – биться придется вам. И если вы доверяете мне, вы сами сделаете все, что необходимо.

– Нет. Ну я просто думал, что... Не понимаю, как это можно – совсем без контроля!

– Любой внешний контроль – только у вас в голове. Это иллюзия для тех, кто не принимает себя как уже сделанный выбор судьбы и пытается найти лучшее, нежели то, что уже случилось с его рождением.

– Но ведь человека могут поставить в условия, когда у него не будет выбора? Или когда выбор очевиден из-за явной выгоды одного варианта и невыгоды другого? Например, угроза для жизни...

– Вы считаете, что решение о смерти принимает тот, кому угрожают? Или все-таки тот, кто угрожает?

– Ну, если мне приставят нож к горлу и скажут: «Кошелек или жизнь!» – то ведь я выбираю, отдать деньги или умереть?

– Это ложный выбор. Приставив нож к горлу, вас уже лишили права выбирать.

Уни пожал плечами:

– Я не знаю, все это очень запутанно. Хотя... – Тут он вспомнил свой разговор с Оркодием Кейрисом в крепости касты воинов, где Уни сам использовал похожую логику.

– Путаница возникает там, где много лишних мыслей.

– Они сами приходят, я их не приглашал.

– Скоро все изменится. Отдыхайте, чтобы завтра утром снова отправиться в путь.

– Спасибо! Так вам нужны эти фишки?

– Отдадите мне их потом, в самом конце.

Только упав в кровать, Уни понял, как сильно он устал за день. Точнее, не успел понять, ибо заснул мгновенно и глубоко, словно из его головы вынули все сновидения. Он еще не знал, что уже очень скоро даже такой обычный и естественный для любого человека отдых покажется ему высшей, недостижимой роскошью.

Следующим утром Уни отправился на задание с четким планом, который должен был устранить любую путаницу и изрядно сэкономить время. У него было два отдельных мешка –

для своих фишек и для тех, которые планировалось забирать из алтарей. Кроме того, молодой герандиец придумал собственную систему опознавательных знаков, чтобы пометать те места, которые он уже посетил, и не носиться по всей горе вдоль и поперек, тратя силы и драгоценное время.

Впрочем, несмотря на солидную подготовку, Уни очень быстро выяснил, что чем детальнее план, тем больше он создает собственную реальность, отличную от нашей брэнной и не столь совершенной. Ведь, планируя, человек может использовать лишь свои весьма ограниченные знания о затеянном деле, в то время как новые, неожиданные обстоятельства зачастую способны все порушить. Вот и сейчас, более-менее решив проблему с фишками, переводчик вдруг понял, что ничего не может поделать с иным и до обидного могущественным врагом – немощью собственного тела.

Уни открыл для себя огромное число новых мышц, которые все двадцать четыре года его жизни умело прятались, но теперь вдруг разом напомнили о себе резкой, тянущей болью. Сильнее всего ныла спина, особенно поясница, потом бедра в районе тазобедренного сустава, колени и даже – непонятно почему – плечи. К концу дня юноша доконал первую пару плетеных сандалий, ноги в которых покрылись мозолями. Хромая и проклиная все на свете, Уни снова вернулся к Онелии несолоно хлебавши.

Тогда он еще пытался следить за тем, как выглядит в ее глазах, стараясь показать, что не так уж сильно устал, а вернулся лишь потому, что встретил на пути некие совсем уж чудовищные и независающие от него препятствия. Однако уже на третий день и эта жалкая бравада полностью испарилась, ибо в жестоко терзаемом острыми углами бытия сознании Уни просто не осталось места для посторонних мыслей. Все тело жутко болело уже с утра, словно ночью имперского дипломата свирепо избивали тяжелой палкой из аринцильского красного дерева. В глубине покрытых пылью и грязью сандалий лопнули мозоли, запачкав обувь гноем и кровью, так что каждый шаг теперь был пыткой. Сначала Уни пытался ходить в неких вычурных позах, чтобы не наступать на больные места, опуская стопу на ребро или опираясь на пятку. Очень быстро он понял, что это пустая трата времени, а смириться со своим отчаянным положением гораздо проще, чем трусливо прятаться от неизбежности.

Воистину, не так страшна боль сильная, как боль постоянная. Озверев от пребывания в статусе заплечных дел мастера для самого себя, Уни побежал вверх по склону, извергая грязные ругательства на всех шести известных ему языках. Мозг молодого переводчика, словно раскаленный докрасна кусок металла, жег голову изнутри тысячью огненных игл. Переводчику дико хотелось упасть на колени, разбить камнем череп, выхватить оттуда мерзкое серое желе и с размаху швырнуть его со склона, а еще лучше – в пропасть. Но эти мечты были столь же неосуществимы, как и уже полузабытое стремление найти храм. И дело тут было не в малодушии юного дипломата – просто сейчас он бы не смог поднять даже самый легкий камень.

Взятая с собой пища сперва не лезла в горло, а потом – что было гораздо хуже – нагло не спешила покидать измученное тело. В отчаянии, чуть ли не катаясь по земле от ярости и боли, Уни жрал траву, чтобы вызвать понос, и весьма в этом преуспел. В обитель он возвращался уже не разбирая дороги, посеяв где-то посох, а вместе с ним – последние остатки стыда и всяких приличий.

– Чего?! – грубо сверкнул он глазами на поймавшую его уже почти в кровати Онелию. – Мыться не пойду, и так издох почти, Темень тебя возьми!

– Как пожелаете, – вежливо поклонилась Онелия. – Я же хотела пригласить вас на словесную медитацию.

– А-а-а? – только и изверг из себя Уни, не зная, как реагировать на это неожиданное предложение. – Ты, Мрак... и-и-и... Вы сами попробуйте как-нибудь по этим горам побегать, а потом посмотрите, на что еще сил хватит!

– Гора и храм – это ваше испытание, – невозмутимо ответила Онелия. – Однако я с радостью разделю с вами словесную медитацию, а заодно и введу вас в курс дела.

Дело, как выяснилось, оказалось совсем несложным. Нужно было, сидя перед пламенем свечи, читать вслух мантру: «*Эйлу сийре рефуйе окъйе*», что в вольном переводе означало: «Я сижу перед пламенем свечи», и при каждом колебании пламени звенеть зажатой в руке бронзовым колокольчиком. Уни сначала чуть не разобрало от смеха – так нелепо смотрелось, как это делает Онелия Лерис. Она выглядела такой ухоженной, чистенькой и аккуратной по сравнению с грязным, пропахшим собственными испражнениями переводчиком... Ему вдруг показалось, что он вполне мог бы прямо сейчас овладеть ею. Да! Непонятно откуда сразу появились силы. Уни расплылся в развязной улыбке, и именно в этот миг целительница неожиданно сфокусировала на нем взгляд.

– Спину нужно держать прямо! – тихо, но четко произнесла она.

Переводчик враз стушевался и, отведя глаза, покорно зазвенел колокольчиком.

В кровать он шел как тень, неуверенный даже в том, что ему принадлежит собственное тело. Появилось странное ощущение потери чувства времени: вся существующая в мире реальность сжалась в одну точку и крепким корабельным гвоздем намертво застряла в его голове. Уни казалось, что он вполне может не идти по коридору, а срезать путь сквозь стену, просочившись бесплотным призраком через малейшие поры угрюмого местного камня. Завтра, а точнее, уже сегодня, совсем скоро, должен был наступить рассвет, а это значит – снова в путь, по проторенной дорожке безысходности и боли. Молодой герандиец не представлял, какая сила сможет оторвать от кровати его истерзанный полутруп. Он мечтал только об одном – провалиться в пропасть глубочайшего сна и лететь, лететь вниз, пока не разобьется о камни абсурдности и бессмысленности своего существования. «Зачем все эти муки, если я и так все равно умру?»

Не успев найти ответ, Уни мгновенно заснул и проспал, по собственным ощущениям, невероятно долго. Вскочив как ошпаренный с рассветом, он с удивлением обнаружил, что Небесный повелитель еще только начинает объезд своих обширных земных владений.

«Как это я так... долго?» – спросил он себя, а ноги уже сами понесли его в дорогу.

Завтракать Уни в этот раз не стал: вид еды вызывал отвращение. «Упаду от слабости где-нибудь и подохну, вот все и кончится», – подумал он. Но не тут-то было. Тело, словно избавившись от залежей скверны, стало необычайно легким, почти невесомым. К исходу десятого дня мотания по горам переводчик казался себе воздушным змеем, свободно реющим в облаках и не скованным никакими земными препятствиями. Само понятие дорог и строгих направлений утратило смысл: Уни с одинаковой скоростью теперь скользил по камням, взбирался на кручи, перелетал через поваленные деревья. Схема расположения алтарей, которую он выстроил в голове, рассыпалась в прах. Пространство, в котором он привык находиться и которое навязывало ему свои правила, теперь растворилось, как ночь на заре. То, что казалось далеким, стало вдруг на расстоянии вытянутой руки, а непролазные горы – обычной прямой дорогой.

С изменением окружающего мира Уни почувствовал, что изменился и сам. Внутри него словно что-то сломалось, как в человеке, который от голода после долгих мучений и борьбы с собой начинает есть отбросы и понимает, что ничего страшного в этом, оказывается, нет, зато жизнь его – продолжается. Отбросами Уни, конечно, не питался, однако потребность в еде незаметно свел к минимуму. Обычно это была каша, горсть орехов и кусок хлеба. От каши он тоже вскоре отказался, а хлеба обычно откусывал лишь самую малость.

Сложнее было с водой. Достать ее в этих горах было неоткуда, а воду в обители Уни пить не мог: она почему-то вызывала у него рвоту. Исхитрившись, он стал просыпаться еще раньше, теряя драгоценные мгновения и так недолгого сна, чтобы слизать с листьев пресные капельки утренней росы. А еще через несколько дней, скинув и навсегда отбросив свои вонючие лохмотья, Уни подставил изрядно похудевшее тело прохладному воздуху предрассветной

поры, словно впитывая всей кожей растворенную в нем влагу. Показавшееся из-за горизонта солнце, охватив его всего теплыми лучами, нежно обняло и согрело своего забредшего в эти дальние края сына. Наверное, именно так чувствовали себя первые геранды, создавшие культ Небесного владыки, – детьми и вечными данниками его за возможность жить и радоваться его лучезарным потокам, которые и есть сама жизнь.

Но сейчас Уни ощущал себя даже не своим далеким предком, а диким зверем, мир которого во всей полноте ощущений стал гораздо богаче мира более умного, знающего, но менее приспособленного к существованию без сложных мыслей и прикрас, просто «сейчас под ногами». У него исчезли все те вычурные рассуждения, которые годами составляли основу его восприятия реальности. Лишних мыслей просто не было, да и вообще само слово «думать» для молодого дипломата стало редкостью, спрятанной до поры до времени в самые далекие уголки его сознания. Он жил чувствами, ощущениями, не размышлял, а поглощал сразу, не думая, мельчайшие детали бытия, скрытые за попытками анализировать, раскладывать по полочкам каждое явление или предмет. Теперь Уни воспринимал все целиком и сразу, а решения принимал мгновенно, словно по наитию: бежать – так без промедления, выбрать направление – уже выбрал. И так – во всем. Словно кто-то невидимый руководил всеми его действиями и поступками, а сам Уни лишь в точности выполнял его беззвучные, но удивительно точные команды. Если раньше он много мечтал, но мало делал, то теперь для мыслей просто не осталось времени: каждый миг нужно бежать, прыгать, оставлять и забирать фишки.

Уни уже не считал, сколько сделал, сколько осталось и как ему эффективнее работать. Он даже не делил время на дни поисков и ночи отдыха. Мир стал предельно конкретным и сжался до «здесь и сейчас», но границы этого «здесь» стали очень широкими. Уни начал видеть на бегу всех жуков в траве, слышать, как сливающийся цветом шкуры со скалой горный козел карабкается на вершину, а в высокой траве струится, переливаясь всеми цветами радуги, местный тупомордый ужик. Чувства юноши так обострились, что он улавливал полузабытый запах мяса, которое готовили в поселении за горизонтом, мог слышать голоса живущих там людей и даже их шаги по гладким, отполированным дорожным камням. Уни превратился в один большой оголенный нерв, вопивший обо всем неожиданном многообразии окружавшей его реальности, но при этом неспособный ощутить цель всех своих действий, их предназначение и смысл.

Даже потом Уни не мог сказать, сколько дней все это продолжалось. Просто однажды, опуская деревянную фишку на очередной алтарь и забирая ту, которая там была, он вдруг понял, что один его мешок совсем пуст, а другой – заполнен до отказа. Значить это могло только одно: он наконец-то обошел все сто восемь алтарей, обошел в правильном порядке, в то время как солнце и не думало садиться и день еще не закончился.

Уни плавно сел на землю и застыл, молча смотря прямо перед собой. У него не было никаких эмоций, ни радости, ни облегчения. Он все прекрасно видел и чувствовал, однако у него не было мыслей о том, что делать дальше. Медленно сжав пустой мешок, он резко бросил его в пропасть. Потом, крепко обхватив другой, полный фишек, рывком поднялся. В голове юноши возник образ Онелии Лерис, но в этой картинке не было ни страсти, ни романтики. Была просто цель. Уни посмотрел на мешок так, словно хотел прожечь его взглядом насквозь. А потом ноги сами понесли его вперед. Он не знал куда, но точно не в обитель Стройного Ясеня. Юноша бежал дальше в горы, словно повинаясь некоему инстинкту, руководствуясь не здравым смыслом и памятью, а мистическим озарением, порожденным недавним переворотом в видении такого, казалось, знакомого, но на самом деле обманчивого мира.

Хотя, слово «бежал» не совсем точно отражало те ощущения, которые испытывал Уни. Скорее наоборот – ему казалось, что он просто с невероятной скоростью поднимает и опускает колени, стоя на месте, в то время как окружающая реальность – скалы, деревья, трава и небеса, – свернувшись в одну разноцветную воронку, бешено вращается за его спиной.

Уни не успел осознать, что с ним, как наваждение исчезло. Он стоял перед пропастью, через которую был переброшен... нет, не подвесной мост. Это были два толстых, скрученных из пеньки каната, расстояние между которыми равнялось примерно ширине плеч. Канаты уходили в туман, и что там дальше, разглядеть было невозможно.

Молодой дипломат осторожно, как зверь, пробуя воду реки лапой, дотронулся до импровизированного моста. Натяжение вполне достойное, он поначалу ожидал худшего. Аккуратно ступив вперед, Уни сделал несколько шагов. Было на удивление не страшно. Раньше он всегда боялся высоты, но в этот раз даже гулкий провал снизу казался игрушечным, не вполне настоящим. Возможно, в другой ситуации юный герандиец сделал бы долгую паузу, задавшись множеством вопросов о природе этого «моста», технологии строительства и о том, куда он ведет. Сейчас же Уни просто шел по канатам через объятия тумана, сосредоточившись лишь на одном – как бы не сбиться с дороги.

Внезапно туман впереди принял форму девушки в длинном темном платье. Уни совсем не удивился, узнав в ней Онелию Лерис. Видимо, в новой, открытой им реальности расстояния и само пространство обретали совсем иные формы.

– Проверять будете? – хриплым от долгого молчания голосом спросил он, подняв перед глазами целительницы мешок с фишками.

– Разумеется, – с почтительным поклоном ответила девушка.

Она плавно вскинула руки в стороны, разметав полы одеяния. То, что казалось платьем, было лишь неким подобием накидки с большими вырезами по краям. Под ней – плотная рубаша из тонкого шелкового полотна и штаны с блестящим иссиня-черным поясом. Мягко хлопнув себя по пряжке, уже через мгновение Онелия держала узкий вириланский кинжал, воздух вокруг которого еще звенел после того, как он перестал обнимать девичью талию. Если бы скорость всего происходившего была хотя бы чуть ниже, Уни, наверное, даже успел бы испугаться или как минимум зафиксировать потенциальную опасность, но не в этот раз. Впрочем, бояться ему пришлось бы явно не за свою жизнь. Неуловимым горизонтальным движением Онелия чиркнула кинжалом по мешку и мгновенно вновь вернула оружие на пояс. Мешок, словно пугая раскрывшейся пастью, вывалил фишки, которые, хаотично вращаясь в воздухе, стали падать в пропасть.

Время для Уни будто остановилось. Он не чувствовал страха, резкого порыва отчаяния или страстного желания успеть. Он так много вложил в то, чтобы собрать эти маленькие кусочки дерева, отдал ради этого столько себя, что просто не мог допустить, чтобы плоды его трудов вот так просто пропали. Молодой дипломат достоверно знал, что, если нужно будет броситься за фишками в пропасть, он так и сделает.

Однако столь отчаянного поступка не понадобилось. Еще до того, как первая фишка покинула мешок, в голове Уни разом замкнулись все необходимые цепочки, а руки, да и все тело его двигались с такой невообразимой скоростью и координацией, словно превратились в прочную мелкаячеистую рыбацкую сеть. Герандиец выдирал из пространства куски, перекраивая его по своему усмотрению для того, чтобы совершить невозможное и, не теряя равновесия на тонком мосту, поймать ладонями, предплечьями, локтями и даже грудью все фишки до единой. Он походил на ловкого повара из Некредансы, крутящего в руках тесто и кусочки начинки, готовя *упидавну* – традиционный открытый пирог с овощами и требухой, излюбленное лакомство трудового люда всей империи.

– Я спрашиваю, – прорычал Уни, держа фишки в ладонях и глядя на вириланку исподлобья, – проверять будете?

– Разумеется, – спокойно повторила Онелия.

– Так проверяйте! – выпятив подбородок, выплюнул эти слова переводчик.

Он швырнул фишки вперед и вверх, чтобы они накрыли целительницу с головой. Точнее, разум его скомандовал это сделать и даже принял от рук обратный сигнал о том, что они

выполнили работу и опустели. Но в реальности... После короткой паузы Уни сфокусировал взгляд на ладонях. Фишки по-прежнему лежали в них неровной рассыпчатой горкой. Он не понимал, что случилось и как такое возможно, но эта женщина управляла им изнутри, словно тряпичной куклой.

– Будем считать, что вы это сделали, – едва заметно кивнула Онелия. Ее взгляд был задумчивым, с оттенком сожаления. – Теперь вы можете войти в храм. Пожалуйста!

Она поклонилась и, медленно повернувшись, исчезла в тумане.

Уни покорно пошел за ней, держа дурацкие фишки. Сложить их было некуда: из одежды на юноше была только набедренная повязка.

Впрочем, идти оставалось недолго. Вход в храм представлял собой выбитый в скале портал, в середине которого была круглая деревянная дверь. Онелия остановилась подле нее, ожидая, пока переводчик тоже сойдет с канатов. Очутившись на твердой почве, Уни первым делом решил освободить руки. Уже собравшись просто сложить фишки на землю у входа, он обнаружил в стене едва заметную нишу неровной формы.

«То что надо!» – подумал он и скинул туда весь свой драгоценный груз. Внутри скалы что-то загнулось, и дверь в храм открылась.

– Обычный рычаг с балансиrom, – криво усмехнулся Уни. – Вес подбирается так, чтобы фишки нарушили равновесие и сдвинули дверь в сторону.

Он демонстративно отряхнул руки и, прищурившись, вальяжно посмотрел на целительницу.

– Если бы я потерял хотя бы одну фишку, ничего бы не вышло, так? Просто не хватило бы веса, чтобы сдвинуть дверь с места!

Обернувшись на пороге, Онелия мельком оглядела его с ног до головы.

– Дверь я открыла рукой, пока вы ссыпали фишки в логово Чешихвостика.

Девушка уже зашла внутрь, и теперь слова ее эхом отдавались в огромном зале. Чуть приподняв руки, она едва заметно покачала на ходу бедрами. На миг Уни слышались нотки не то озорства, не то веселья в ее голосе.

– Какого еще Чешихвостика? – Уни понадобилось время, чтобы глаза его привыкли к традиционному для вириланских помещений полумраку светящихся зеленым и синим стен.

– Об этом вам лучше спросить Натаяниш Ворен! – ответила из полумрака Онелия. Молодой герандиец не очень отчетливо видел ее лицо, но теперь ему показалось, что она улыбается.

– Не понимаю вас, вириланов! – пожал плечами Уни. – Вы говорите загадками. Зачем? Думаете, это делает вас значительнее?

– А что загадочного я вам сказала?

– Ну... – Уни запнулся. Он вдруг вспомнил о целой куче вопросов, которые был бы не прочь сейчас задать. – Вот та же Натаяниш Ворен. Или Найтия Ворен? Как ее зовут на самом деле? Как правильно?

– Зовите как угодно, не ошибетесь! – звонко ответила Онелия из полутьмы. Уни никак не мог решить: то ли она над ним издевается, то ли... заигрывает. Оба варианта столь сильно противоречили устоявшемуся в его голове образу вириланов, что он скорее готов был потратить время на поиск третьего варианта.

– А она вообще один человек? – неожиданно для самого себя выдал Уни. Он хорошо помнил о данном им на горе обещании, но сейчас эта вириланка в храме выводила его из себя.

– А кто вам сказал, что она человек?

Уни вздрогнул, словно вокруг его позвоночника обернули что-то холодное и склизкое. Онелия вдруг оказалась у него за спиной, так близко, что он мог бы чувствовать ее дыхание... Но не чувствовал.

– Я вас не боюсь! – произнес он, решительно обернувшись.

– Правда? – спросила она, подходя еще ближе.

Он, смутившись, опустил взгляд. Девушка взяла его за руку, проведя пальцами вдоль ладони. Уни почувствовал, что сейчас взорвется, разлетевшись мириадами мелких осколков по всей Вселенной.

– А так? – спросила Онелия, неувлимым движением сняв с его руки каменное кольцо.

Словно очнувшись, Уни резко открыл глаза. Что он должен был увидеть теперь? Жуткого призрака с огненными волосами или чудовище со страшной пастью вместо лица? Но ничего подобного так и не появилось. Они просто стояли друг напротив друга в огромном пустом зале в полутьме.

– Так тоже... не боюсь, – вполголоса, почти шепотом произнес Уни. – Отдайте, пожалуйста, мое кольцо, это подарок.

– Когда все закончится, оно снова будет у вас, – произнесла Онелия. В ее голосе послышались нотки грусти и отстраненного сожаления.

– Что в нем такого? Почему оно всех вас так интересует?

– Вот как? – задумчиво произнесла Онелия, внимательно на него посмотрев.

– Ну, я хотел сказать, что...

Уни шагнул вперед. Теперь они стояли почти вплотную.

– Ну вы же все знаете! – чуть ли не прокричал он ей прямо в лицо, держа в голове образ Натайниш Ворен и их встречу на горе. – Скажите, неужели это так трудно?

– Я могу сказать, – тихо произнесла Онелия. – Но я не знаю.

– Да что ж такое! – топнул Уни, глядя ей в глаза. – Что же у вас тут все наизнанку?

– Потому что слово без пережитого опыта есть ложь, – прошептала ему девушка.

– Да? – едва слышно спросил он, утопая в ее прекрасных глазах.

– Да, – ответила Онелия. – Вы готовы?

– Готов! – с придыханием ответил Уни. Расстояние между ними почти исчезло. Он физически ощущал, как она затягивает его в себя, что еще мгновение – и они сольются в единое целое, и ничто уже не сможет их разделить.

– Тогда удачи, – одними губами произнесла целительница.

Ее глаза превратились в две огромные засасывающие воронки, вкрутившиеся в мозг Уни и взорвавшие его изнутри. Он ощутил жуткую боль, словно лопнули разом все сосуды в голове, но вместо смерти и забвения вокруг возник новый мир.

Переводчик стоял один в том же зале, однако теперь тот был гораздо лучше освещен. Посередине угадывались очертания огромной статуи. Подойдя ближе, Уни разглядел воина в доспехах. Склонившись вперед в полуприседе, тот держал обеими руками наискось от правого бедра до левого плеча длинный меч.

– Зачем ты здесь? – неожиданно спросил за спиной низкий мужской голос.

Молодой герандиец мгновенно отпрыгнул, развернувшись в воздухе. Похоже, у статуи был брат-двойник, и теперь он стоял перед Уни и даже задавал вопросы.

– Чтобы научиться владеть мечом. Я Унизель Вирандо, переводчик посольства...

– Для меня ты тот, кем покажешь себя! – отрезал воин, протягивая ему меч.

– Что, драться с вами? Я даже не знаю, кто вы такой!

– Скоро ты это поймешь. Готов?

– Н-ну... да!

Уни выставил левую ногу вперед и направил клинок на противника, ожидая, что загадочный воин тоже примет какую-нибудь красивую стойку, но тот лишь легонько стукнул по его клинку двумя пальцами. Переводчик, потеряв равновесие, сделал два быстрых шага назад и влево. Воин повторил движение несколько раз, мотая герандийца из стороны в сторону, словно тот мешок с ветошью. Разозлившись, Уни взмахнул мечом над головой, чтобы нанести удар, но воин поймал момент и, наступив ему на ногу, толкнул начинающего мечника сперва одной ладонью снизу в рукоять клинка, а затем другой – под челюсть сбоку. Беспомощно охнув,

дипломат ощутил, как его позвоночник отрывают от головы, словно выдергивают хвостик из спелой черешни. Он грохнулся на каменный пол, уже не чувствуя ни ног, ни тела. Жизнь покидала его.

– Кем бы ты ни был раньше, Унизель Вирандо, теперь ты труп, – услышал он сверху голос воина. – А знаешь почему? Ну же, соображай! Перед смертью все думают быстро.

– Я плохо держусь на ногах, – прохрипел в ответ Уни.

– Можно и так сказать, – согласился воин. – Ладно, вставай, попробуем еще раз.

Уни почувствовал раздражение, которое сменилось удивлением. Он не только не умер, но, наоборот, как будто обрел новые силы. Открыв глаза, переводчик понял, что дышит, а сознание вновь обрело контроль над его брэнной оболочкой.

– Выходит, я еще жив? – осторожно спросил Уни, поднимаясь.

– Жив, умер – какая разница? Здесь на этом ничего не заканчивается, – усмехнулся его могучий противник.

– Где это «здесь»? – не удовлетворился ответом Уни, вновь принимая боевую позицию.

– В храме Пяти стихий, конечно! – прогудел воин.

– Да? И какую же стихию представляете вы? То есть... О-о-о! Как же я сразу не догадался!

Воин подошел и схватил меч Уни металлической рукавицей. Уни уцепился в рукоять что есть силы, одновременно стараясь остаться на ногах.

– Подними меч над головой! – приказал воин.

– Не могу! – с трудом выдавил герандиец. – Вы сильнее меня. Не могу!

Он в отчаянии ослабил хватку.

– Забудь про руки! – проорал ему воин. – Действуй всем телом. Ну! Нет у тебя больше ни рук, ни ног, ты просто бычий пузырь, который наполняют воздухом!

Уни выдохнул и закрыл глаза, представив, как некто дует ему снизу в пятку, отчего ноги, торс и руки его расправляются и поднимаются, становясь пухлыми и наполненными.

– Вот так, хорошо, давай дальше!

Приоткрыв глаза, Уни с удивлением обнаружил свой меч наверху. Получилось!

Но это было только начало. Суровый учитель продолжал мучить его, заставляя преодолевать сопротивление при движении мечом по самым разным, иногда весьма затейливым, траекториям. Под конец он просто стал наносить удары невиданной силы, способные, казалось, расколоть гору надвое. Если Уни допускал хоть малейшую ошибку в структуре, клинок продавливал его защиту, обрушиваясь на голову, шею, плечи. Кровь заливала лицо, перерубленные мышцы взрывались болью и отказывались слушаться, но уже через мгновение все исчезало и упражнение повторялось.

– Ну что же, вижу, ты начинаешь постигать основы этикета, – удовлетворенно проговорил наконец воин.

– Этикета? – недоуменно выдохнул Уни. – А при чем здесь вообще этикет?

– А ты думаешь, этикет – это «спасибо-пожалуйста» или умение чашку красиво держать? Нет. Этикет – это когда ты выглядишь так, что никто не осмелится на тебя напасть!

– Выгляжу пугающим? – прищурившись и чуть наклонившись, попытался уточнить Уни.

– Нет, готовым к возможной атаке с любых направлений. Вот так! – и воин неожиданно нанес переводчику косой удар с левого бока. Тот машинально подставил меч, мгновенно оперев в него тело.

– Хорошо! – пророкотал таинственный учитель. Защищаться всегда сложнее, чем атаковать. Защищаться даже во время своей атаки, в любую секунду, всегда быть – *тайренцувэй*!

«Держать внутреннюю структуру!» – перевел про себя Уни.

– Даже когда ты спишь, понял? – грозно спросил воин. – Просто упри чурку в стену и держи ее мечом так долго, как сможешь! Потом в голове само начнет все выстраиваться; как опасность – так сразу, не думая. Раньше все так учились, без этого куда!

– А как же хитрые приемы? – удивился Уни. – Ведь фехтование – это же техника...

– Забудь про технику! – заревел воин. – Ты принимаешь форму за суть искусства боя. Думаешь, что эти конечные позы и есть техника? Какая ерунда! Это все равно что учиться плавать в море без воды. Формы, движения – это не техника, а результат выполнения техники! Если не можешь своей структурой откинуть врага тяжелее и сильнее тебя хотя бы в полтора раза – нет никакого смысла изучать приемы! Они все равно не будут работать. А так их не надо будет учить и изображать потом. Они сами сработают, ты будешь биться, даже не думая о форме, о том, как со стороны выглядит то, что ты делаешь!

– Так вот она какая, настоящая сила... – задумчиво пробормотал Уни. – Чтобы у тебя было везде сильно. А у противника искать, где слабо. Тогда можно и гору пальцем сдвинуть!

– Вижу, ты усвоил урок! – низко прогудел воин. – Когда движешься, будь подобен цельному куску скалы, а врага бей там, где сыпкий песок.

– Да, учитель, – ответил имперский дипломат. – Вы воплощение стихии Земли?

– Хых! Вы, люди, любите все сводить к одному. Да, для тебя пусть будет так. Мой стиль – лишь одно из пяти знаний, которые тебе предстоит постичь на пути фехтовальщика. Освоить нужно все, но преобладающим обычно становится только одно.

– Значит, я смогу выбрать в конце?

– Да, сможешь. Сейчас ты вернешь этот меч мне. Но потом у тебя будет шанс оставить его себе. До тех пор, пока твой бой не будет закончен.

– Благодарю вас, энель Земля. Спасибо за вашу мудрость. Куда мне следует идти теперь?

– Да куда хочешь, главное – иди! Направления ведь такая условная вещь. Куда-нибудь придешь обязательно, ручаюсь!

Мысленно пожав плечами, Уни поклонился и двинулся вперед, в неизвестную пока сторону. Освещение вокруг исчезло, и какое-то время юноша шел в полной темноте, ощущая только неровный каменный пол под ногами. Переводчику даже стало казаться, что он шагает на месте, поскольку вокруг не было видно никаких предметов, по которым можно было бы судить о скорости движения. Но вдруг снова засиял свет, и Уни разглядел поодаль контуры уж очень знакомого изваяния.

Сначала ему показалось, что это та же самая статуя. Однако подойдя ближе, молодой переводчик увидел, что поза очередного каменного воина совсем другая: он держал меч вытянутым вперед, а его кончик смотрел вправо и вниз.

Уни тут же оглянулся, не желая, чтобы представитель очередной стихии заговорил с ним из-за спины. Но именно так и случилось.

– Приветствую тебя! Учиться пришел?

Уни метался из стороны в сторону, но обладатель ехидного голоса всегда умудрялся оказываться сзади.

– Ты слишком быстр! – выкрикнул запыхавшийся герандиец.

– Тут дело не в скорости, – парировал очередной учитель, прекративший наконец исчезать из виду. В отличие от предшественника, он был не таким атлетичным с виду, но гораздо подвижнее.

– Вот смотри, атакую тебя медленно!

С этими словами он нанес удар. Уни мгновенно встал в защитную позицию с жесткой структурой, но его все равно продавили.

– Что ж такое! – с обидой отреагировал он, когда противник прижал меч к его груди и, используя его как рычаг, легко свалил герандийца с ног. – Я же правильно упирался!

– Конечно, правильно! – ухмыльнулся воин. – Просто ты ловил одну стрелу, а я послал целых две.

– Как это? – недоверчиво осведомился Уни, положив меч незаточенной частью на плечо.

– Давай сперва без оружия, – предложил воин. – Закройся от меня предплечьем, как клинком. Да, вот так. Видишь, уперся в тебя? Молодец, держишь. А теперь?

Воин сделал неуловимое движение, и Уни улетел в сторону.

– Все равно не понимаю! – крикнул он, раздосадованным возвращаясь на место.

– Ты когда-нибудь видел, как растет молодой вириланский дуб? Если на его пути встречается препятствие, он просто огибает его и ветвится себе дальше.

– Вы стихия Дерево?

– Ну, если тебе так удобно, то да. Вот смотри, давя на тебя прямо. Ты уперся в ответ, тоже прямо. Мне не пройти. Тогда я к прямому движению добавляю чуть кривизны. Было прямо, стало прямо и вверх. И тогда моя сила идет туда, где у тебя слабо. И вот результат! – с этими словами он снова отбросил Уни так же легко, как ветер уносит осенний лист.

– Ага, ясно! – Переводчик начал увлеченно пробовать новую технику, стараясь использовать ее под разными углами. – Значит, и с оружием, и без – принцип тот же?

– Само собой. Воин без меча – это воин с мечом, только без меча!

– Кажется, у меня стало получаться!

– А если я тоже начну менять углы?

Так они провозились целую вечность. Уни не помнил, сколько точно, да и время здесь, похоже, шло совсем не так, как в остальном мире.

– Не могу сказать, что ты стал мастером, – заключил под конец его новый знакомый, – но принцип ты понял. Главное, береги лезвие, встречай удары широкой стороной клинка.

– Благодарю вас, энель Дерево! – с поклоном ответил Уни. К нему медленно стало приходить ощущение, что он уже действительно что-то может.

Следующей, на кого наткнулся имперский дипломат, стала стихия Металл. Ее олицетворяла статуя с мечом, поднятым в замахе высоко над головой.

– Что, решил научиться правильно бить? – спросил новый учитель, пронзая герандийца колючим взглядом.

– Да я уже кое-что умею! – не думая, выдал тот.

– Покажи!

Уни нанес удар, противник отбил его вбок и, возвращая движение, пока переводчик поднимал свой меч, снес ему голову.

«Как же так?» – только и успел подумать Уни. Он видел перед собой крупные плиты пола, со всеми их швами и неровностями, однако не чувствовал ничего ниже шеи, да и саму шею, по правде говоря, тоже. Имперец даже не мог перевернуться на другую сторону, чтобы узнать, как смотрится его отдельно лежащее туловище.

– Вставай давай! – послышался сверху резкий голос. Сильная рука подняла за волосы его голову и уже через мгновение как-то вернула дипломата в первоначальное неразделенное состояние.

– Что, первый раз, что ли? – добродушно спросил его Металл.

– Ага! – ошалело кивнул Уни.

– Ничего, привыкнешь.

– Да вот, знаете, как-то не хотелось бы...

– Ну а если не хотелось бы, тогда учись. Бить просто так можно только «деревянных злодеев». Ну или тех, кто вообще ничего не умеет. Их ты продавишь, пройдешь и зарежешь. Если человек хоть что-то умеет, он будет реагировать на твою атаку.

– Значит, мне надо бить быстрее?

– Так тоже можно. Кстати, попробуй! Давай сто ударов в воздух так быстро, как можешь.

Уни счел это задание легкой разминкой, однако уже после двадцатого удара он позабыл о всякой структуре, а на шестьдесят втором полностью выбился из сил.

– Мда, – скептически отреагировал учитель. – Так если кого и убьешь, то только самого себя.

– Не зна-а-ю, как... вы этим мечом... во... вообще машете! – обрывисто выплюнул слова Уни, тщетно пытаясь успокоить дыхание.

– В наше время говорили, – назидательно поднял палец Металл, – что если будешь пытаться вести меч, то погибнешь. Дай мечу возможность вести тебя!

С этими словами он поднял клинок над головой и, шагая вперед-назад, с умопомрачительной скоростью стал рассекал воздух. Тот ровно гудел, выражая одновременно свое недовольство и восхищение мастерством мечника.

– Вы бьете не руками! – обрадовался наконец новому открытию Уни. – А подхватываете меч силой всего тела и мотаете им: туда-сюда, туда-сюда!

– Глазастый! – похвалил его Металл. – Быстро учишься.

– А если я стою на месте? – продолжал выпрашивать Уни.

– А что тут непонятного? Делай то же самое, только без шага.

– Без шага?

– Ну да.

Несмотря на абсурдность фразы, через время у молодого дипломата стало получаться и это. Но радовался он недолго. Усмехнувшись, Металл выждал и точным движением рассек ему шею.

– Я не могу быстрее! – прохрипел Уни, захлебываясь пузырящейся из раны кровью.

– Быстрее не надо, надо вовремя! – поправил его воин. – Перестань застывать в верхней позиции, ты же не статуя.

Уни полностью потерял счет ударам меча, которые он нанес с тех пор. Но самое трудное ждало его впереди, когда Металл приказал ему бить не по воздуху, а по осязаемой цели. В данном случае – по самому Металлу. Дело это было заведомо убийственным, но не для аватара стихии, а для самого Уни. Клинок больно отдавался в ладони через рукоять, а позвоночник стал возмущенно ныть, словно его хотели истолочь в мелкую крошку.

– Что не так? – обратился переводчик к наставнику с отчаянным вопросом.

Тот лишь пожал плечами:

– А я откуда знаю? Твое тело – ты и разбирайся.

Разбираясь и приноравливаясь, Уни потратил еще бездну драгоценного времени. Хотя он все больше и больше склонялся к мысли, что в этом мире данная категория была относительной и не поддавалась точному подсчету.

«Когда же мы наконец перейдем к приемам?» – нетерпеливо подумал Уни.

– Прямой удар – вот твой прием! – словно прочел его мысли Металл. – Один взмах – один труп. При ударе кончик меча всегда идет первым, иначе теряешь структуру. Просто бей, а что там – доспехи, кости или меч противника – какая разница?

– Сдается мне, что не все так думают, – ответил Уни, отирая пот.

– А все – это кто? – грозно спросил его наставник.

– Ну, все... ваши. Земля, Дерево... Кто там еще остался?

Металл скептически усмехнулся:

– Найдешь их – сам узнаешь.

Найти оставшихся оказалось не так уж просто. Войдя во тьму, Уни почти сразу же увидел вдалеке слабый источник света. «Стихия Огня!» – радостно подумал он и ускорил шаг, однако далекое пламя и не думало приближаться, оставаясь таким же крошечным и недостижимым. Герандиец перешел на бег, потом ускорился до предела, высоко поднимая колени, однако все это было без толку. «Что ж за ерунда!» – раздраженно подумал Уни и остановился, переводя дыхание. Огонек заколебался и стал чуть больше, но потом опять уменьшился до первоначального размера.

Тогда Уни принялся звать очередной аватар, разговаривать с ним, крутиться на месте, отворачиваясь в сторону, а потом резко возвращаясь обратно. Огонек равнодушно мерцал вдали. «Да чтоб ты сдох, тварь!» – закипел Уни, оскалив зубы. Огонек резко вспыхнул, вспоров темноту языками пламени. «Так вот в чем дело! – обрадовался своему открытию переводчик. – Эта мразь реагирует на мою ярость. Ну держись, проклятая недоголовешка!»

С этими словами Уни обрушил на огонек поток всех известных ему ругательств, нанося при этом удары руками и топча ногами.

Очень скоро, не пройдя почти ни одного шага вперед, он добрался до следующей статуи, изображавшей воина в стремительном прыжке. Огонек, видимый издалека, оказался большим костром, перед которым сидел очередной наставник.

– Энель Огонь, приветствую вас... – только и успел вымолвить Уни, как воин вскочил и, взмахнув в прыжке мечом, яростно бросился на герандийца.

Уни пытался отбиваться, используя все полученные навыки и меч, непонятно как оказавшийся в его руках, однако все было бесполезно. Волю юноши парализовал страшный напор, мышцы не слушались команд, а в разум словно вбили железный клин, намертво пригвоздивший все рациональные действия к доске растерянного ожидания. Уни был изрублен на куски, опав кровавыми останками на землю, чтобы вспыхнуть пламенем и вновь возродиться для извлечения урока из этого досадного поражения.

– Я уже многое изучил, мастер, но ничто не смогло помочь мне отразить вашу атаку, – разбитым голосом пожаловался Уни.

– Что ты изучил? Структуру, удар, силу и чувство момента? Да это ничто без главного, что скрепляет их воедино!

– А что скрепляет, учитель? Ярость?

– Ярость?! – пророкотал Огонь, заставляя языки костра дрожать при каждом звуке. – Ты снова путаешь форму и содержание. Скажи мне, какова цель боя?

– Цель? Убить врага, конечно!

– Верно! Но тогда почему ты бьешься так, словно делаешь мне одолжение? Ты должен страстно алкать моей смерти! Видеть ее за каждым движением. И тогда тело твое само выберет ту единственно верную технику, которая принесет тебе мою голову.

– Я, кажется, понял, учитель.

– Понял? Тогда атакуй меня!

Не успел Огонь договорить, как Уни бросился на него с мечом. Он бил его и сносил прочь ответные удары, как пробирающийся сквозь чащу путник, который рубит и отшвыривает преграждающие путь ветки. Собственный клинок, заряженный жадной смерти, будто сам выбирал нужные углы и время для атаки, а Уни лишь шел, нет – бежал за ним, бросался вперед, как левия на застигнутую врасплох добычу. Под конец он раскрыл врага, заставив того потерять равновесие, и, отбросив его руки с оружием далеко в сторону, страшным ударом разрубил от шеи до самого пояса. Огонь рассыпался на мелкие угольки, которые закружились вокруг герандийца, а потом стремительным хороводом проследовали в костер. Тот ярко вспыхнул, заставив Уни прикрыть глаза, и исчез во внезапно наступившей темноте.

«Ну вот, – подумал переводчик, – теперь остался только один. Интересно, чему он меня научит? Надеюсь, поиски не продлятся долго».

Уни сел на холодный пол и, выставив ноги, глубоко вздохнул: «Может, сам ко мне придет?»

Пол оказался не только холодным, но и мокрым. Герандиец презрительно плюнул между коленей и тут же отшатнулся: прямо перед ним из пола вырос очередной учитель.

– Не ожидал найти вас... в слюне, – вместо приветствия подивился Уни.

– Зачем искать воду, когда она всегда с тобой? – иронично возразил собеседник. Он чем-то походил на женщину – может, тонкими чертами лица, а может, длинными распущенными по плечам волосами.

– А где же тогда ваша статуя? – поднимаясь, не унимался герандиец. – У каждой стихии в этом храме должна быть своя! – назидательно сообщил он.

– Правда? – искренне удивился Вода. – Ну, как хочешь.

Аватар взмахнул рукой, и переводчик узрел новую скульптуру в виде закрученной на самой верхушке морской волны.

– Нет, извините! – протестуя выставил ладонь Уни. – Это вообще что такое? У всех воины с мечами, а у вас не пойми что! Вы меня фехтованию учить будете или чему?

Вода примирительно развел руками:

– Да ладно, будет тебе статуя, если надо. Но учти: у воды нет формы.

Воин посмотрел на каменную волну, словно пытаясь понять, что же в ней не так, тихонько вздохнул и слегка кашлянул, как бы прочищая горло. Волна мгновенно трансформировалась в воина в боковой позиции, с выставленным вперед левым плечом и клинком, отведенным назад снизу вдоль тела.

– Так сойдет? – с надеждой спросил новый учитель, словно начинающий скульптор, который впервые демонстрирует творение взыскательной аудитории.

– Так? – машинально переспросил Уни, обходя статую вокруг. – Ну-у... – Он дотронулся двумя пальцами до каменного меча и попытался расшатать его, однако статуя грамотно держала структуру. – Да, пожалуй.

– Меч можешь взять себе. Если понравился.

– Каменный, что ли? – скептически усмехнулся дипломат, но оружие уже приняло вполне обычные металлические очертания.

Уни легонько хмыкнул и вальяжно положил клинок себе на плечо:

– Защите меня учить будете?

– Да как сказать... – замялся длинноволосый наставник. – Ты, наверное, сам знаешь, что граница между защитой и нападением с определенного уровня несколько... стирается.

– Мутный ты, – склонив голову влево, с хулиганским прищуром процедил Уни и, шагнув вперед, с размаху вытянул меч острием прямо в лицо учителю.

Видимо, приняв этот позерский жест за атаку, тот мягко, но быстро чуть присел на левой ноге, скручивая корпус вправо и пропуская оружие вдоль себя. Среагировав на это движение водного аватара, герандиец отдернул меч для удара, но его оппонент уже перенес вес на правую ногу и с коротким выпадом толкнул Уни скрещенными ладонями, словно ускоряя собственное движение. Потеряв равновесие, переводчик, словно пушинка, отлетел назад, ударившись об пол.

– Вот это да! – с азартом вскрикнул он, тут же поднимаясь с видом ребенка, только что съехавшего с зимней горки. – Это значит провалить, а потом продолжить, когда я равновесие восстанавливаю!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.